

ОГОНЁК
№ 52 ДЕКАБРЬ 1967
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Веселый, веселый

мир

Фото Б. КУЗЬМИНА.

ВИЗИТ ДРУЖБЫ

По приглашению Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства в Москве с официальным дружеским визитом находилась партийно-правительственная делегация Социалистической Республики Румынии во главе с Генеральным секретарем Центрального Комитета Румынской коммунистической партии, Председателем Государственного совета СРР товарищем Николае Чаушеску. Румынских гостей встречали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и другие официальные лица.

Между руководителями Коммунистической партии и правительства Советского Союза и партийно-правительственной делегацией Социалистической Республики Румынии состоялись переговоры. Во время переговоров, проходивших в дружественной обстановке, состоялся обмен мнениями по вопросам, интересующим обе стороны.

На снимке: Москва, Кремль. 14 декабря. Переговоры между советскими руководителями и партийно-правительственной делегацией Социалистической Республики Румынии.

Фото А. Устинова.

Что касается нас, то мы в астрологию не верим. И вам не советуем. Устарела эта наука, пообносился звездный халат астролога, и кустарный способ заглядывать в будущее не вызывает у нас никакого доверия.

Но во многих западных журналах ветхая астрологическая наука пользуется большим почетом. В каждом номере появляются гороскопы — советы по части поведения и предсказания на будущее. И когда мы повнимательнее прочли то, что предсказывали своим читателям астрологи в этих журналах, и вспомнили о событиях уходящего года, нам показалось, что кое-кому в капиталистическом мире и вправду следовало бы прислушаться к тому, что говорили звезды. Сравните предсказания гороскопов с действительностью.

Неприятная новость будет объявлена вам в одно из ноябрьских воскресений. Она принесет вам и вашим соседям денежные затруднения. Срочно приобретайте золото.

Многие, очень многие англичане не смогли последовать этому мудрому совету гороскопа. Ведь правительство лейбористов уже давно сделало ставку на замораживание зарплаты. Девальвация фунта стерлингов застала простых людей врасплох и принесла им массу неприятностей, значительно омрачив и без того уже невеселые перспективы на 1968 год. ▶

Из круга вашей семьи тоже может исходить беспокойство. Некто, кто был вам верен, все более и более отходит от вас. Он руководствуется своими чувствами, которые вы можете не понять. Но вы бессильны изменить что-либо. Опасайтесь заразительного действия этого случая на остальных.

Что ж, и это предсказание, адресованное, видимо, Соединенным Штатам Америки, сбылось. Из натовской военной семьи вышла Франция. Флаги НАТО, восемнадцать лет развевавшиеся над французской землей, были спущены. ▼

Сейчас вы переживаете трудный период. К вашему мнению не прислушивается человек, от которого многое зависит. Обратите свои взоры к богу.

Все более широкие и самые разные слои американцев приходят к осуждению агрессии США во Вьетнаме. Этот житель Лос-Анджелеса, принимающий участие в демонстрации против политики Белого дома, кажется, действительно рассчитывает на помощь небес. Надпись на его рубашке гласит: «Бог, защити нас от Джонсона». Но в Соединенных Штатах тоже есть пословица о том, что, надеясь на бога, надо не плошать и самому. ▶

В профессиональной области у вас могут быть неприятности как раз тогда, когда вам казалось, что вы близки к цели. Вам придется предстать перед другими в необычной роли.

◀ **Профессия этого человека — убивать за деньги. Его имя — Жан Шрамм. Должность — главарь белых наемников, которые пытались восстановить в Конго власть бывших колонизаторов. Звезды не ошиблись, профессиональным головорезам не повезло: отряд был разгромлен конголезской армией, остатки банды бежали в Руанду. В плену Шрамму и его дружкам пришлось выполнить необходимые формальности: например, дать отпечатки пальцев и предстать перед объективом тюремного фотографа.**

30 декабря — 20 лет со дня провозглашения Румынии Народной Республикой; с 1965 года — Социалистическая Республика Румыния.

ДВАДЦАТИЛЕТИЕ РЕСПУБЛИКИ

Дик БАБОЯН, румынский журналист

Подготовка к празднованию двадцатилетия республики совпала в жизни румынского народа с событием огромного значения — национальной конференцией Румынской коммунистической партии. Конференция утвердила директивы по совершенствованию руководства и планирования народного хозяйства и приняла ряд важных решений. Она как бы подвела итоги за два десятилетия, протекшие со дня провозглашения республики.

Как выглядит ныне социалистическая Румыния? Какой представляется она на мировой арене? Это страна с развитой экономикой и высокой культурой, ее главная цель — быстрый подъем благосостояния трудящихся, осуществление мечты многих поколений борцов за счастье народа.

В течение почти полувека со дня своего создания Румынская коммунистическая партия показала себя единственной в стране социальной силой, способной осуществить вековые чаяния народа.

Окинем взором карту Румынии. Перед нами стройка крупного Галацского металлургического комбината, который даст в 1970 году свыше двух миллионов тонн стали. Только одна его доменная печь объемом в 1 700 кубометров способна выплавить в четыре раза больше металла, чем вся Румыния в 1938 году.

Старый городок Слатина превратился в столицу румынского алюминия. После завершения работ третьего этапа завод может давать свыше 100 тысяч тонн алюминия в год.

Строители автомобильного завода в Колибаше закончили годовой план на два месяца раньше срока. Быстро продвигается строительство нефтехимического комбината в Плоешти.

Огромный размах жилищного строительства, большие работы по орошению, электрификация главных железнодорожных магистралей, новые школы, новые университеты в Крайове, в Плоешти — вот о чем говорит карта Румынии в канун 1968 года.

Развитие народного хозяйства республики особенно ярко отражают такие данные: с 1948 по 1966 год производительность труда выросла в 6—8 раз, национальный доход — в 6—7 раз. Удельный вес промышленности в народном хозяйстве с 31 процента в 1938 году возрос до 50 процентов в настоящее время.

Кооперация, развитие механизации и химии содействовали повышению продуктивности сельского хозяйства. В прошлом году был собран рекордный урожай: 13,9 миллиона тонн зерна.

Что касается динамики уровня жизни, то и здесь цифры не менее красноречивы. Реальная зарплата в 1966 году в 2,4 раза больше, чем в 1950 году, а реальный доход крестьянства возрос в три раза. Потребление на душу населения в 1967 году увеличилось в 2,5 раза по сравнению с 1950 годом.

В конце этого года румынские газеты, радио и телевидение ежедневно сообщали важнейшие новости:

«На 40 дней раньше срока вступила в строй фабрика древесного спирта в городе Виктория. Мощность ее — 50 тысяч тонн в год.

«На целлюлозно-бумажном комбинате Сучавы была пущена в ход новая фабрика мощностью 60 тысяч тонн целлюлозы ежегодно».

«На Плоештском заводе имени Первого мая началось серийное производство новых нефтебуровых установок, которые способны бурить породу на глубине до пяти тысяч метров».

«Пущен новый сахарный завод в городе Бузэу. Годовая производительность — 60 тысяч тонн».

«На заводе Унао в городе Сату-Маре началось серийное производство нового типа дизельного локомотива ЛДМ 45».

«Галацский судостроительный завод создал первую пару металлических створок для Железных Ворот».

Докладывая партии о досрочном выполнении планов, трудящиеся Румынии достойно встречают 20-ю годовщину своей республики.

Бухарест, по телефону.

Машинный зал гидроэлектростанции Вакэу.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

45-й год издания

№ 52 (2113)

23 ДЕКАБРЯ 1967

Вам предстоит встреча с человеком, который постарается унизить вас и втоптать в грязь.

Да, Греция действительно встретила человека, втоптавшего в грязь понятия «демократия», «справедливость», «человечность». Его зовут господин Паттакос. Он так обожает солдат, что расставляет их даже на своем пути в церковь. Возможно, что он делает это из желания обезопасить себя от проявлений «любви» со стороны греческого народа. Прометей в пьесе Эсхила сказал: «Пусть действует, пусть правит кратковременно, как хочет. Будет он недолго царь богов».

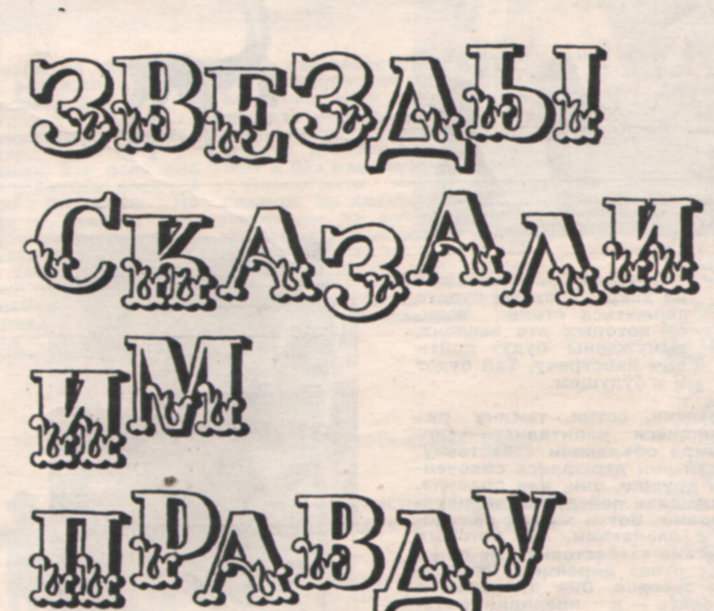
▼

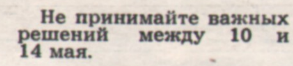

Вы затеяли весьма спорное дело. Не удивительно, если потребуют, чтобы вы отказались от этого предприятия.

◄ Не вняли израильские вояки, предпринявшие агрессию против арабских стран, голосу светил. Напрасно старается израильский солдат показать, как удобно он себя чувствует в оккупированном арабском селении. Народы арабских стран полны решимости добиться того, чтобы агрессоры убрались с их земли. Моше Даян и его воинство сломают себе зубы на том, что гороскоп мягко называет «спорным делом». И тогда никакое кресло дантиста не поможет.

Не принимайте важных решений между 10 и 14 мая.

12 мая английское правительство назначило сэра Хэмфри Тревельяна своим верховным комиссаром в Адене и Федерации Южной Аравии. Но премьер-министр Великобритании, видимо, не заглянул в гороскоп. В результате сэр Хэмфри так и не успел навести в Адене желательный для Великобритании порядок. Пока министр обороны Англии Денис Хили наигрывал на флейте известную мелодию «Правь, Британия», патриоты выкинули со своей территории и Тревельяна и солдат господина Хили. 1 декабря над Аденом был поднят флаг нового государства — Народной Республики Южного Йемена. Старый флаг — английский «Юнион Джек» — унес под мышкой бывший верховный комиссар в Адене сэр Хэмфри Тревельян.

Вам везет в поездках. Куда бы вы ни приехали, вас ждет торжественная встреча.

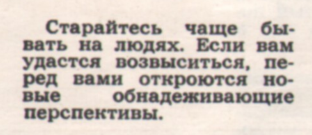
Предсказание с некоторыми поправками оправдалось во время поездки вице-президента США Губерта Хэмфри во Францию в апреле 1967 года. Французы не подвели созвездие Рака и устроили заокеанскому гостю действительно грандиозную встречу: толпы демонстрантов вышли на улицы с плакатами, требующими прекращения войны во Вьетнаме. В знак протеста против агрессии США парижане публично сожгли американский флаг. Гость улыбался натянутой улыбкой, подняв вверх два пальца, показывая букву «V», с которой начинается слово победа. Но с этой буквы начинается и слово «Вьетнам», где агрессорам никогда не видать победы.

Остерегайтесь путешествий! Особенно опасными будут для вас поездки в чужие страны.

Бывший конголезский премьер-министр Моиз Чомбе, очевидно, тоже не верил в гороскопы. И для него это окончилось печально. Сев в самолет в Мадриде, он совершил посадку в алжирской тюрьме.

Старайтесь чаще бывать на людях. Если вам удастся возвыситься, перед вами откроются новые обнадеживающие перспективы.

Южновьетнамский премьер Ки решил устроить пресс-конференцию на острове Гуам, когда там в марте проходило американо-южновьетнамское совещание. Чтобы увидеть радужные перспективы, Ки постарался возвыситься и использовал для этого два ящика из-под кока-колы. Вышло почти как дома: в Сайгоне марионетка держится на американских штыках, и здесь подставка тоже американская.

И про перспективы звезды не наврали: на Гуамском совещании был принят курс на дальнейшее раздувание войны в Юго-Восточной Азии. Стратеги Белого дома решили усилить бомбежки ДРВ, расширить карательные операции в Южном Вьетнаме. Более радужных перспектив для марионеточного премьера и быть не может. Но — надолго ли?

Сначала вам покажут на дверь. Если вы будете держаться стойко, люди, от которых это зависит, вынуждены будут пойти вам навстречу. Так будет и в будущем.

Десятки, сотни, тысячи раз трудящиеся капиталистического мира объявляли забастовку. И если они держались сплоченно и дружно, они, как правило, одерживали победу над эксплуататорами. Вот и на сей раз людей с плакатами, на которых написано «забастовка», не поколебал отказ дирекции фордовских заводов. Они продолжали бастовать — и предпринимателям пришлось уступить.

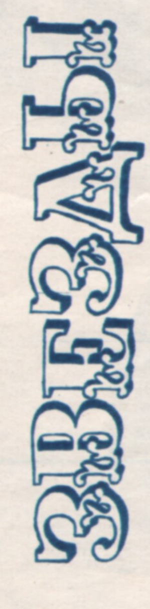

ЗВЕЗДЫ СКАЗАЛИ ИМ ПРАВДУ

Предстоящие каникулы могут быть омрачены неприятностями в вашем собственном доме. Для решения проблемы вам придется мобилизовать всю свою волю.

Каникулы — это скорее всего лето. А если под словом «дом» подразумеваются США, то и это предсказание было точным. Именно летом Соединенные Штаты потрясла невиданная до сих пор волна негритянских выступлений. Нью-Йорк, Детройт, Нью-Арк, Хьюстон — вот далеко не полный список городов, где минувшим летом произошли, по выражению американской прессы, «расовые беспорядки». Американские власти мобилизовали не только волю, но и части национальной гвардии, подразделения армии с танками, чтобы подавить борьбу негритянского населения за свои права.

Те, кто хочет добра себе, а также рыбам и птицам, должны несколько дней лить в море воду. Это поможет им в борьбе с силами зла.

Да, именно так вынуждены были поступать жители английского и французского побережья Атлантики после катастрофы с танкером «Торри Каньон». Преступная небрежность, вызванная столь свойственной «свободному» миру погоней за барышами, привела к опустошению приморских курортов, нанесла огромный ущерб населению прибрежных районов.

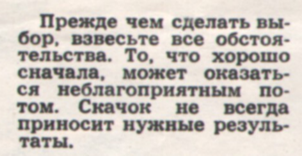

Придет новый человек, принесет с собой нечто новое, и о нем все узнают. Он сделает то, чего никто никогда до него не делал. И потом делать не будет.

Так несколько загадочно предсказал гороскоп и снова оказался прав. Молодой французский модельер Пако Рабан предложил шить платья из бумаги. Самое трудное — примерка. А потом ножницами р-раз, р-раз — и готово. Правда, пока что новый материал не привился. Подождем. Посмотрим, что скажет по этому поводу гороскоп в будущем году.

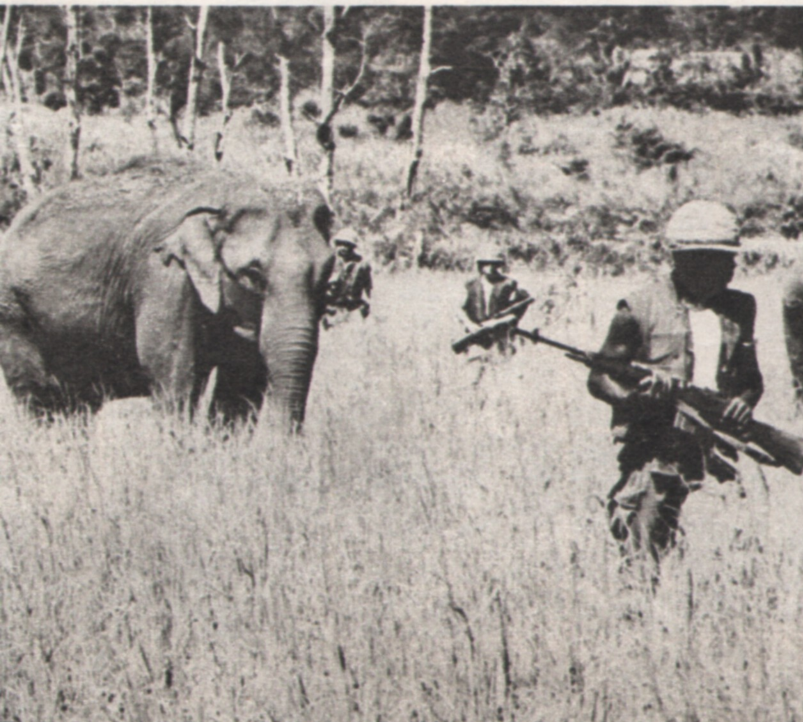
Прежде чем сделать выбор, взвесьте все обстоятельства. То, что хорошо сначала, может оказаться неблагоприятным потом. Скачок не всегда приносит нужные результаты.

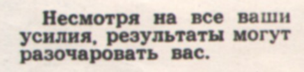
Этот снимок был сделан близ западногерманского города Альсфельд в январе 1967 года, когда там проходили военные маневры НАТО под названием «Прыжок пантеры».

Трактор и танк. Два символа — мира и войны.

Сделать выбор между ними — значит определить курс страны. Такой выбор давно сделало правительство ФРГ, открыто проводящее реваншистскую, милитаристскую политику.

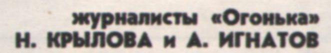

Несмотря на все ваши усилия, результаты могут разочаровать вас.

Как предсказали звезды, так и вышло.

Американцы изо всех сил стремятся добиться военной победы во Вьетнаме. Но инициатива в боевых действиях прочно удерживается патриотами. А когда агрессоры собираются нанести удар, им не всегда удается даже найти противника. Вместо отряда Национального Фронта Освобождения янки окружили слона. А слон, как известно,— символ республиканской партии, оспаривающей кресло президента у демократов. Гороскоп, оказывается, может говорить и намеками. А может и без намеков.

Посмотрите на верхний снимок. Он сделан во время панихиды по американским солдатам, нашедшим бесславный конец на высоте 875 в районе Дакто. На переднем плане все, что осталось от одного из подразделений, штурмовавших высоту.

Справиться с событиями гороскопам помогли

журналисты «Огонька»
Н. КРЫЛОВА и А. ИГНАТОВ

Фото ЮПИ, газеты «Унита», журналов «Пари-матч», «Штерн», «Лайф», «Жен Африк».

Киевский авиационный завод. Сборка самолета «АН-24». Фото Ю. Мосенжника (ТАСС).

50 ЛЕТ УССР

Советская Украина празднует свое пятидесятилетие. Полвека назад Первый Всеукраинский съезд Советов провозгласил Украину Республикой Советов. В своем решении съезд заявил о необходимости тесного союза с Советской Россией.

Полувековая история Советской Украины — это эпоха борьбы и созидания, это громадный путь от полуколониальной окраины царской империи к социалистической республике в братской семье советских народов.

Судьба Советской Украины неразрывно связана с судьбой Страны Советов. В интервью «Огонька», напечатанном в № 41, посвященном Украине, Первый секретарь ЦК Компартии Украины П. Е. Шелест сказал, что «трудящиеся Советской Украины всегда жили и живут интересами всей нашей великой социалистической Родины, строящей коммунизм. У них нет более важных забот, чем стремление приумножить ее славу, ее могущество».

Цвети, Украина

Виктор КОЧЕВСКИЙ

САД ПЕСЕН

С полоской небесною синею
Дымок поездов переплел
Полтавскую даль тополиную
И оклики перепелов.

И аист дозором на хате,
И чайки над морем кричат,
И ели в гранитных Карпатах
Смолистою силой звенят.

Колосья густые, литые
Кругом заселили поля.
Засыпала гильзы пустые
Твоя, Украина, земля.

Сад песен в тебе коренится...
Сыны твоего Кобзаря
От маленькой синей криницы
В Каховские вышли моря.

Для новых свершений и планов
Ковром расстилается ширь...
Семь букв в твоем имени славном
Сияют, как радуга, в мир.

Харьков.

Микола НАГНИБЕДА

ПАМЯТЬ

Где, моя память, кочуешь
На взмахах лебяжьих крыл?
— На белых каменьях плотины,
Что юношей ты возводил.

Где ты встречала рассветы,
Много ли видела див?
— В тихих садах Запорожья,
Что юношей ты посадил.

Да в чьей же ты хате гостила?
А может, кто дверь не открыл?
— Сердца раскрывали мне люди,
Которых ты щедро любил.

А где же ты так задержалась?
Уже засияла заря.
— Да там, где ты юным матросом
Ходил в штормовые моря.

Скажи, а не тяжко ли было
В далекую юность летать?
— Я с чистой душой возвращаюсь
Твою седину согревать.

Перевел Юрий САЕНКО.

Иван САВИЧ

ДОРОГОЙ ПОДАРОК

Бегут года, но до сих пор не в силе
Забыть родимый мой полесский край,
Как землю мы господскую делили
И как с нее собрали урожай.
Мечты отцов и дедов стали былью.
Минувшее, туманом уплывай!
Послать крестьяне Ленину решили
Подарок свой — полесский каравай.
И вот на солнце просушили жито
И мелко помололи, а потом
Десятки раз просеяли сквозь сито
И выпекли подарок. А на нем
Слова сияли: «Ленину родному».
И, выбранный ото всего села,
Старик Коваль повез тот хлеб из дома
На север. Долгой, трудною была
Его дорога. Гетманцы-бандиты
И беляки встречались на пути.
В теплушках и побои и обиды
Он, зубы сжав, сумел перенести.
Мог сдачи дать Коваль наш бородатый,
Но рисковать подарком он не мог...
В Москве он встретил земляка-солдата,
И тот дойти до Ленина помог.
И Ленин принял дар наш с добрым словом,
Поцеловал и хлеб и Коваля.
Ведь для вождя народа трудового
Был хлеб святым, как солнце, как земля!

Перевел П. ЖЕЛЕЗНОВ.

Старобельск.

Красное знамя у реки Халхин-Гол.

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

ХАЛХИН-ГОЛ

1939 год. Успешно завершены два пятилетних плана. Страна приступила к выполнению третьей пятилетки.

В мире было неспокойно. Черные тучи войны нависли над планетой. В Германии господствовал фашизм. Гитлеровцы уже начали перекраивать карту Европы. На востоке бряцали оружием японские милитаристы.

Весной 1939 года японские войска нарушили границы Монгольской Народной Республики и захватили часть ее территории. Советский Союз, верный своему интернациональному долгу и союзническим обязательствам, пришел на помощь братскому монгольскому народу.

20 августа советско-монгольские войска начали совместные наступательные действия против агрессора.

«Войска I Армгруппы,— говорилось в боевом приказе,— утром 20.8.39 переходят в решительное наступление с целью окружить и полностью уничтожить японо-бергутские части на территории МНР — между Халхин-Гол и госграницей...»

В приказе ставились конкретные задачи перед отдельными частями, участвовавшими в наступлении, перед авиацией, артиллерией и другими специальными подразделениями. Так, было указано: «ВВС. а). До артподготовки произвести одновременный мощный удар 163-мя скоростными бомбардировщиками с целью уничтожения живой силы и материальных средств противника в районах, указанных в плановой таблице взаимодействия... г). Истребительной авиации надежно прикрыть действия СБ, наземные части и, ведя разведку на себя, быть готовой обрушиться всеми силами на подходящие резервы противника».

К исходу 23 августа 1939 года советско-монгольские войска закончили окружение войск противника. Территория МНР была полностью очищена. Японские захватчики в начале сентября предприняли еще одну попытку атаковать советско-монгольские войска. Атака была тут же отбита.

Сражаясь плечом к плечу против агрессора, советские и монгольские воины показали себя мужественными и храбрыми солдатами.

В одном из политдонесений говорится:

«...Храбрость и отвагу проявили в бою пулеметчики. Отделенный командир Смирнов и красноармеец Кабанов под огнем противника продвигались все время вперед, уничтожая врага. Отделенный командир Савенко своим огнем отлично поддерживал наступление и уничтожил один станковый пулемет противника. Отделенный командир Фадеев уничтожил 11 самураев и подбил гранатой станковый пулемет. Младший командир Чирков шел в атаку и своим примером увлекал за собой взвод. Командир роты Королев, энергично двигаясь вперед, был ранен в ногу, сам перевязал себе рану и опять двинулся на врага».

Храбро сражались с врагом и воины-монголы. «Командир I эскадрона бронедивизиона Хорло и водитель машины Халыхерва,— говорится в одном из документов,— пять раз ходили в атаку. Оба были ранены, по лицу струилась кровь, заливавшая глаза, но с появлением противника около 100 человек они шестой раз пошли в атаку и уничтожили 35 человек».

В боях на реке Халхин-Гол Советские Вооруженные Силы дали решительный отпор агрессору, показали силу и мастерство, высокую боевую готовность.

16 сентября 1939 года в Москве между советскими и японскими представителями было подписано соглашение о прекращении военных действий.

В дни боев. Маршал Чойбалсан (в центре) беседует с комкорами Г. К. Жуковым (справа) и Г. М. Штерном.

Фото бывшего военного корреспондента «Правды» Виктора Темина.

ГЕНЕР

Генерал-лейтенант в отставке
В. Е. МАКАРОВ,
бывший член Военного совета
III Белорусского фронта

Ивана Даниловича Черняховского я впервые увидел в начале апреля сорок четвертого на фронтовом командном пункте.

Приказ Ставки о его назначении был получен в штабе нашего только что образованного Третьего Белорусского фронта за несколько дней до этого, и все мы с нетерпением ждали прибытия нового командующего.

Командармов, начальников управлений, работников штаба и, конечно, меня очень интересовало: каков-то он, знаменитый Черняховский? Старые, поседевшие в боях генералы заходили ко мне и, когда мы оставались с глазу на глаз, сокрушенно качали головами:

— Уж больно молод! В таком возрасте и командующих армиями-то не сыщешь... А ему сразу целый фронт под начало!

Я слышал о Черняховском много хорошего. Знал, что он окончил бронетанковую академию, что войну начал в Прибалтике командиром танковой дивизии, позже командовал стрелковой, а затем — 18-м танковым корпусом.

Но более всего я был наслышан о нем как о командующем Шестидесятой армией, слава об успешных боях которой под Воронежем и на Курской дуге дошла и до нас...

И все-таки, хоть я, разумеется, виду не показывал, меня где-то глубоко внутри точило сомнение: «Всего тридцать семь лет! Действительно, очень молод. Да и горяч, наверное... Удастся ли сработаться?»

И вот однажды дверь дома, в котором располагался наш фронтовой КП, распахнулась, и новый командующий переступил порог. Все встали. Иван Данилович по очереди обошел высших и старших офицеров, прибывших его встретить и представиться.

Я внимательно рассматривал Черняховского. Он был высок ростом, по-военному подтянут. Здороваясь, крепко пожимал руку и внимательно вглядывался в лицо своими темными глазами, которые смотрели сурово и в то же время доброжелательно.

И мне, хоть мы еще не сказали и двух слов с новым командующим, он сразу всей своей повадкой, что называется, припал к сердцу.

— Ну что ж,— проговорил он, когда процедура представления была закончена.— Будем воевать. Пока, товарищи, попрошу всех разойтись по своим местам. Мне хотелось бы поговорить с членом Военного совета.

— Может, перекусить с дороги, товарищ командующий? — осведомился я.

— Спасибо, сыт. К тому же хочется поскорее взяться за дело. Вот если б чайку горячего...

Мы разговорились и все рассказали друг другу о себе.

— А теперь,— сказал он,— я хотел бы узнать ваше мнение о командирах. Вы давно в войсках, знаете всех... Я хотел бы узнать их моральные и боевые качества. Как воюют, как управляют войсками. Словом, что от кого мы можем ожидать.

Я тут же охарактеризовал каждого командира. Черняховский слушал внимательно и, как я догадался по репликам, которые он изредка подавал, все схватывал на лету, запоминал намертво.

Беседа наша продолжалась до поздней ночи. Черняховский вызвал начальника отдела кадров, потом командующего артиллерией, начальников управлений.

Расспрашивал он их очень подробно, глубоко вникая во все детали.

— Ну что ж,— сказал я, когда разговор наконец был окончен.— Может быть, немножко выпьем по случаю знакомства? Есть отличный трофейный коньячок.

Предложил я это неспроста: мне хотелось узнать привычки командующего.

— Пожалуй, выпьем,— улыбнулся Черняховский.— Только к чему коньяк? Может быть, сухого вина? Чтоб головы были свежими!

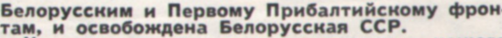
Первой крупной боевой операцией нашего фронта была операция, вошедшая в историю войны под названием Белорусской, так как в результате ее были разгромлены вражеские войска, противостоявшие нашему, двум другим

АЛ АРМИИ

Стволы у стены у кремлевской
Готовит к салюту Москва,
Что славу твою, Черняховский,
Не раз отмечала, не два...

А. Твардовский.

Белорусским и Первому Прибалтийскому фронтам, и освобождена Белорусская ССР.

Известно, что эта крупная операция нашего фронта, как и все другие, которыми руководил Черняховский на нашем фронте, закончилась блестящим успехом. Войска под руководством генерала одними из первых ворвались в Минск, освободили Оршу, форсировали Березину и 1 июля 1944 года выбили врага из города Борисова. Я не буду говорить о ходе этой операции. Ее успех был заранее предопределен сложной, я бы сказал, ювелирной подготовкой к наступлению.

В этой подготовке, лишенной какого бы то ни было шаблона, проведенной совершенно новыми методами, начисто сбившими с толку гитлеровскую разведку, многое было сделано по инициативе Ивана Даниловича и явилось результатом его неиссякаемого военного творчества, его высокой эрудиции и воинского умения.

И, хоть мне с первых дней войны пришлось быть на фронте, хоть я и до встречи с Иваном Даниловичем был участником многих крупных операций, не раз уже испытал горечь поражений и радость побед, мне до этого мало приходилось видеть такую тщательную, продуманную и точную работу командующего.

Прежде всего процесс подготовки был обставлен со всей секретностью, столь необходимой на войне. Никто, кроме самого узкого круга лиц, не знал о предстоящем наступлении.

Начали с проверки готовности войск, с самого маленького подразделения — со взвода. Для этого штабным офицерам и начальникам родов войск пришлось основательно полазить по переднему краю. Черняховский внимательно выслушивал доклады, сам то и дело выезжал в войска, все записывал в блокнот, с которым никогда не расставался, и тут же принимал необходимые меры.

Затем Иван Данилович начал сложные маневры по скрытной перегруппировке войск. При этом широко использовались разные технические средства — громкоговорители, пластинки, имитирующие боевые шумы, ложные перемещения, погрузки и выгрузки на железнодорожных станциях и другие дезориентирующие средства.

Все это и дало возможность сбить с толку противника, запутать его разведку.

В то же время Черняховский требовал от наших разведчиков точных сведений обо всех изменениях в порядках врага, что называется, вздохнуть им не давал, пока оставались хоть малейшие неясности.

Перед самым наступлением Черняховский собрал совещание высшего командного состава и поставил каждому четкую и ясную задачу.

Вообще Черняховский обладал замечательным даром лаконично, четко высказывать свои мысли. После его приказаний никаких неясностей не оставалось и почти никогда не требовалось задавать вопросы. При этом командующий никогда не ругался и не терпел, когда в его присутствии кто-нибудь пускал в ход бранные слова.

Генерал армии всегда был готов выслушать чужое мнение, взвесить и взять из него все, что могло послужить делу. Если подчиненный заблуждался, совершал ошибку,— терпеливо разъяснял ее суть, не успокаиваясь, пока тот не поймет все до конца. Зато какие бы то ни было упущения по службе, малейшую нерадивость не терпел.

— Начинайте с заботы о бойце, об офицере,— говорил Черняховский командирам.— Важнейший вопрос — воспитание офицерского состава. Если офицерский состав хорошо и правильно воспитан,— часть боеспособна. С офицерскими качествами не рождаются. Этот вопрос должны считать для себя главным командиры корпусов, дивизий и полков. Политработа, политвоспитание — служебная обязанность командира.

Я иногда задумываюсь: в чем причина того, что Черняховский не проигрывал ни единого сражения? В его личной храбрости и хладнокровии? В его решительности? В его военных и организаторских способностях? В его глубоких знаниях? В умении найти тропку к сердцу человека, вселить в него уверенность в собственных силах, в победе, изгнать из него страх и растерянность перед лицом врага?

Верно, все эти качества в избытке были у Ивана Даниловича. Но была и еще одна черта, которая, если хотите, служила как бы усилителем всех этих качеств, которые и составляют то, что принято называть талантом полководца: вдумчивое, постоянное изучение противника, умение тонко подметить малейшие перемены в тактических способах ведения боя.

Помню разговор, состоявшийся между Черняховским и командирами дивизий, которым предстояло прорывать вражескую оборону.

— Скажите,— обратился генерал армии к одному из них,— какие особенности в тактике противника наблюдаются в последнее время?

— Глубоко эшелонированная оборона. 3—5 линий траншей с сильными инженерными заграждениями.

— Это все? Враг и раньше имел не меньше траншей. Я спрашиваю: что нового в тактике? Скажите вы,— обратился командующий к другому комдиву.

— Противник умело использует леса. Его траншеи проходят в глубине леса, лес приходится брать как опорный пункт...

— Нет,— проговорил Черняховский.— Нет... Это всегда так было. Я вас о тактике спрашивал. Надо учесть при планировании операции следующее: раньше противник дрался за свой передний край, упорно старался восстановить положение контратаками. Мы вырубали этот участок артиллерией — по 200, по 300 стволов выставляли и все там перепахивали за более чем двухчасовую артподготовку. В эту дыру вводили пехоту, вводили танки и через 3—4 километра выходили на тактический простор. А еще через пять-шесть — на оперативный. Сейчас противник за передний край не дерется. У него глубоко эшелонированные боевые порядки. С началом артподготовки он вместо того, чтобы, как всегда, усиливать передний край, оттягивает силы поглубже. Батареи он уже сейчас оттянул на двенадцать километров. Словом, вначале противник оказывает слабое сопротивление. А дальше мы встречаем организованную противотанковую оборону, сильный артиллерийский и минометный огонь, упорное сопротивление пехоты... Помните, когда мы прорывали оборону в Восточной Пруссии? На трех километрах мы потеряли из тысячи всего семь танков, которые подорвались на минах, а через пять-шесть километров враг начал наши танки жечь. Войска замялись особенно там, где слабо готовились к бою внутри оборонительной полосы. Сейчас, чтобы прорвать оборону противника, надо пройти около двадцати километров. Вот тогда можно сказать: прорвали... Опыт надо использовать, товарищи, высасывать из опыта все до последней капли. Самодовольство, зазнайство — наши первейшие враги. Храбрость в сочетании с умением ведет к победе. А без умения победа — дело случая. Поэтому нам надо как следует ударить по зазнайству.

Да, это было так: никакого самодовольства, зазнайства Иван Данилович не терпел. И сам он был человеком великой скромности. Помню, поехали мы с ним в одну танковую часть. И увидел Черняховский, что в этой части вывешен его портрет. На месте ничего не сказал. Но как только двинулись в обратный путь, сразу на меня накинулся:

— Зачем мой портрет повесили?

— Ты ж командующий фронтом. Вот и повесили.

— Есть в нашей армии командующие постарше меня, позаслуженнее да и званием повыше. Их портреты надо вывешивать. Словом, прошу немедленно снять.

И он несколько раз проверял: сняли портрет или нет. И не успокоился, пока не сняли.

После этого, когда наш фронтовой ансамбль на просмотре спел песню, посвященную Черняховскому, я сразу сказал, что песня не пойдет: не любит командующий этого.

Когда на фронте случилась передышка, в гости к командующему приехала его жена Анастасия Григорьевна, дочь Неонила и сын Олег. Я был у них в гостях. Иван Данилович за столом много шутил, смеялся и пел. И все повторял, что победа не за горами и что скоро мы будем ходить друг к другу в гости в мирное время...

Но дожить до Победы ему так и не пришлось.

18 февраля Иван Данилович выехал в армию, которой командовал генерал Крылов. Я тоже хотел ехать, уже привык к тому, что в войска и на передний край всегда мы выезжали вместе. Но на сей раз Иван Данилович попросил меня остаться:

— Туго с боеприпасами. Займись этим делом, выбей, чтоб у артиллеристов и у танкистов обязательно было не меньше чем по два боекомплекта. Я быстро: одна нога здесь, другая — там. Без меня не обедай!

Я остался в штабе. Пока говорил по телефонам, согласовывал и утрясал, не заметил, как время пробежало. Наконец, когда все было сделано, я взглянул на часы. «Вот-вот приедет,— подумал я.— То-то обрадуется, как узнает, что и с боекомплектами полный порядок».

Но прошел час, начался другой, а командующий все не возвращался. Я позвонил генералу Крылову.

— Давно уж выехал,— сказал Крылов.

— А он никуда не собирался заехать?

— Нам ничего не говорил...

Беспокойство охватило меня. Что могло случиться? Если бы Черняховский задержался, он обязательно сообщил бы мне...

В это время зазуммерил телефон.

В срывающемся, заглушаемом шорохами голосе я с трудом узнал голос обычно спокойного начальника штаба фронта генерала Покровского.

— Беда случилась,— совсем не по-военному произнес он.— Убит командующий.

— Как? Где? Повтори! — Я не верил своим ушам.— Повтори: кто убит?!

— Убит Иван Данилович,— повторил Покровский.— В районе Мельзака... Об этом только что доложил Горбатов...

Узнав, что в одном из корпусов Третьей армии, которой командовал генерал А. В. Горбатов, неправильно используются в бою два приданных этому корпусу самоходно-артиллерийских полка, Черняховский решил сам выехать на передовую. По дороге, в районе городка Мельзака, была развилка дорог, простреливавшаяся противником. И когда машина командующего фронтом приближалась к этой злополучной развилке, сбоку разорвался снаряд.

Черняховский тяжело повалился на шофера.

Придерживая командующего одной рукой, шофер вымчал из-под огня, остановился, вытащил из машины обмякшее тело. К Черняховскому кинулся адъютант.

— Товарищ генерал!.. Иван Данилович!

Командующий молчал. Мертвенная бледность заливала спокойное лицо. А на шинели, как раз против сердца, разливалось темное пятно...

— В госпиталь! — крикнул адъютант.— Скорей!

Но госпиталь не помог: через несколько часов генерал армии Черняховский, один из талантливейших полководцев Советского государства, скончался...

Никто из тех, кто ехал вместе с Черняховским, не пострадал, да и на машине не было ни единой царапины. Единственный случайный осколок попал в Черняховского...

Похоронили Ивана Даниловича в Вильнюсе, с высшими воинскими почестями. Позднее над его могилой поставили памятник.

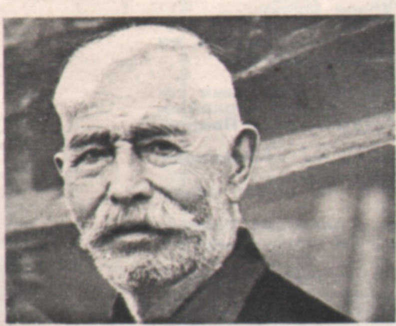
С тех пор прошло много лет. Позарастали травой воронки от снарядов. Встали, зазеленели выжженные леса. Поднялись из руин разрушенные города и села нашей Родины.

Притупилось, приглохло горе потерь, что понесли мы в годы войны.

Но и сейчас, когда думаю об Иване Даниловиче, я вновь и вновь переживаю все перипетии нашей нелегкой фронтовой жизни и дружбы с этим замечательным человеком и коммунистом.

Лит. запись В. ПАВЛОВА.

СИБИРЬ...

Девятый десяток живет дед Мельников в Чечуйске.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Осетрово-на-Лене — окно на Север. За работу порта его начальник В. М. Дубровский награжден орденом Ленина.

Катя Глызина, школьница:— Тунгуска раньше Угрюм-рекой звалась. Шишкова помните?..

С. ЮРЬЕВ

Сибирь советская, пробный камень упорства, мужества, трудолюбия и великих дел народа...

Закончился второй год пятилетки. Сибирь великая снова так изменилась за один только этот год, посветлела, обогатилась, поработала хорошо на пользу народу.

...Стотонносильная рука портового подъемного крана легко отрывает от земли громадный бульдозер и переносит его на палубу тяжелогрузной баржи. А рядом еще и еще краны. И кажется, что большие птицы, присев у реки, кормятся тут, то и дело опуская и поднимая железные шеи.

На Лене очень здорово и точно говорят: «Мы снабжаем северá». Не север, а именно северá. Потому что северá — это и зимовка полярника, и геологические экспедиции, разбросанные на неоглядном просторе Якутии и Иркутской области, и оленеводческие кочевья, и охотничьи зимовейки, и промхозы... И тут уж не справишься без многотонных кранов, без автоматических погрузчиков, без слаженного механизма.

За городом Киренском (когда-то, совсем недавно, лет пять назад, был он воздушными воротами на Север, а теперь его минует современная авиация) — село Чечуйск. Село старинное, торговое. Тут перевалочная база, склады северного Катангского района. Здесь, в тридцати километрах за водоразделом, начинается другая Сибирь, ждущая больших перемен. И они приходят.

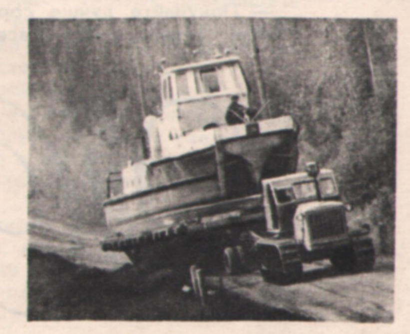
Вспомнилось мне еще недавно тихое село Овсянка, что рядом с нынешним Дивногорском на Енисее, и еще десятки мест, о которых мы говорим сейчас: «крупнейшая в мире ГЭС», «современный город», «трасса мужества». А в Коршунихе, простите, теперь уже в Железногорске, широко и неколебимо шумела тайга, и, чтобы добраться туда, надо было рубить просеки, жить в палатках. Когда же это было, в каком незапамятном году? Ворошу память, ворошу записные книжки. Оказывается, и десяти лет не прошло.

...Может быть, спустя несколько лет, в новой нашей пятилетке, я снова приду сюда и не удивлюсь тому, что увижу новый город, плотину, море электрического света, услышу музыку... Не удивлюсь, как не удивлюсь и дороге, что прошла от Хребтового к будущей Усть-Илимской ГЭС через тайгу, глухомань к свету, к новому городу. Не удивлюсь потому, что Сибирь, она разная, но одинакова в одном — в стремлении к новому, лучшему, светлому и доброму. Пробный камень нашей зрелости, умения, рачительности и труда...

Стальная рука силою в 100 тонн...

Дорога на Усть-Илим.

С Тунгуски на Лену и обратно.

Вл. ЛИДИН Рассказ Рисунок И. Пчелко.

Все стало тихо, совсем тихо, и этот мир, в котором охотничий рог скликал лебедей или умирала Виолетта, стал тоже совсем тихим, совсем ушедшим, лишь проплывающим иногда, подобно лебедям в небе, вслед за которыми устремляется на поиски своего счастья или своего несчастья принц...

Три года назад старый театральный врач Ремезов, выслушав его, Медынцева, намяв ему грудную клетку, заставив его то глубоко вздохнуть, то замедлить дыхание, заключил коротко:

— Можете одеться.

И вот он, известный театральный художник, писавший декорации, которым — едва раздвинулся занавес — нередко аплодировали, знавший все законы освещения на сцене, создававший то колдовское лебединое озеро, то царские хоромы времен Бориса Годунова,— он жалко и торопливо застегивал пуговицы рубашки на себе, потом, полуотвернувшись, застегивал пуговицы брюк, а врач мыл тем временем руки и, вытирая их, сказал:

— Так-то, любезный Николай Алексеевич, его же не прейдеши, а сердце со всякими его возрастными фокусами тем более не прейдешь. Так что придется подчиниться режиму, если не хотите нажить совсем большие неприятности.

И дальше, изображая, что дело это, в общем, обычное, Ремезов изложил этот режим, сущность которого сводилась к тому, что надо подсократить рвение, нельзя самому писать разложенные на полу театральной мастерской декорации, как он, Медынцев, привык, следуя примеру Коровина или Головина; и вот уже три года, как стало совсем тихо в его жизни. По тому, что его меньше теперь беспокоили по всяким театральным делам, следовало предположить, что Ремезов насторожил на этот счет и дирекцию театра. Старый театральный врач знал, конечно, все, что касалось работы сердца, чистоты или глухоты его тонов, однако при всем своем опыте он не знал, что тишина для художника более опасна, чем действие или даже самая сжигающая страсть... Но это оказалось именно так, и чем больше было тишины, тем больше рождалось воспоминаний, рождались и сожаление или раскаяние, мучительные оттого, что пришли с опозданием и что все уже давно непоправимо.

Как-то он встретился в магазине чаеуправления на Неглинной со старым балетмейстером Ниной Павловной Раздольской, много лет проработавшей в театре, а теперь ставшей педагогом в хореографическом училище. Они вышли из магазина вместе, пошли сначала по Неглинной, потом по Пушечной улице, мимо длинного, выкрашенного в охру, как и Малый театр напротив, хореографического училища. Нина Павловна, высокая и строгая, как-то желтовато высохшая с годами, знала не одну из бывших питомиц училища, знала и их театральную судьбу, нередко блистательную, однако столь короткую, столь мотыльковую, что об этом нельзя было без горечи думать. Они шли рядом, и Нина Павловна, поглядев искоса на художника с его артистическим, несколько отечным, но все еще мужественно-красивым лицом, поглядев на его берет и теплый клетчатый шарф вокруг горла, спросила вдруг:

— А какой же сорт чая вы предпочитаете, Николай Алексеевич?

— Пожалуй, «Букет Грузии»,— ответил он, подумав.— А что?

— Чай все-таки я порекомендовала бы вам пить совсем слабый,— сказала она.

— Полагаете, цвет лица испортится? Поздновато думать об этом, давно испортился.

— Покупайте лучше сорта подешевле, они слабее завариваются,— все-таки посоветовала она.— Вообще пришло время, когда следует поберечься, Николай Алексеевич.

— Его же не прейдеши? Я эту песню уже от Ремезова слыхал.

— Я его видела, и он говорил о вас,— сказала она прямо.

— Интересно, что же он сказал вам?

— Сказал, что вы упрямый и своевольный.

— Что ж, в общем, правильно,— вздохнул Медынцев.

— Ремезов — старый театральный врач, он и Пирогова и Мигая лечил, а вы, Николай Алексеевич, мот.

— Что ж, и это правильно,— согласился он.— Свою жизнь я, в общем, промотал. Но скопидомом жить скучно,— добавил он, вспомнив о той тишине, которую порекомендовал ему врач, да еще настроил на этот счет и дирекцию театра.

Они прошли по Пушечной, поговорили о сортах чая, потом о театре, возле «Детского мира», куда Раздольской нужно было зайти, постояли еще немного, и она спросила вдруг:

— Людмилу Сергеевну давно не видели?

— Да, порядочно.— Он на минуту задумался.— Лет восемь, пожалуй, а то и больше. Даже не знаю, где она сейчас.

— Ведет хореографический кружок при Доме культуры,— сказала Раздольская.— Она прелестная была... я всегда ее любила, Людочку.

И Раздольская назвала этот Дом культуры, где преподает сейчас бывшая балерина Людмила Сергеева, бывшая его, Медынцева, жена. Может быть, Раздольской казалось: пришло для него время задуматься над тем, что́ он пропустил в своей жизни.

Потом они простились, Раздольская зашла в «Детский мир», а он спустился по Пушечной, дошел до театра, портик был уже освещен вечерним спектаклем, шел балет «Лебединое озеро», и Медынцев прочел на афише имена балерин, уже незнакомые ему, и только имена тех, кто исполнял роль Одетты и одного из лебедей, он знал, да и эти имена в мотыльковом их проблеске сойдут, наверно, через год-другой...

А несколько дней спустя, узнав по телефону, где происходят занятия хореографического кружка при Доме культуры, Медынцев нашел этот дом на одной из набережных Москвы-реки. Было воскресное пустынное утро, накануне выпал первый снег, и темно и печально темнела вода в реке, а гранитные откосы были совсем белые. Дом культуры в эти утренние часы бездействовал, и дежурная, вязавшая у входа в вестибюль, лишь мельком посмотрела в сторону вошедшего и даже не спросила, что́ ему нужно. По звуку рояля Медынцев сразу определил, где происходят занятия, и вошел в зал, в котором обычно показывали кинофильмы. В зале было полутемно, несколько женщин сидело в разных рядах, видимо, матери или бабушки тех, кто в белых юбочках в складку и темно-синих маечках, в балетных туфельках с округлыми, тупыми носками, с бантами — белыми или красными — в волосах стояли полукругом на сцене, стояли, подпершись руками в бока, стояли как маленькие танцовщицы, скрестив ножку с ножкой, сияя розовыми личиками той детской прелести, у которой тоже мотыльковый проблеск, а там они начнут взрослеть, станут длинноватыми и долгоногими... а пока тугие ножки скрещены одна с другой, и худенькие руки уперлись в бока, и детские ключицы темнеют тонкостью и нежностью.

Но неужели это она — легкая, почти невесомая Люда, с ее стремительным прыжком, отрывавшим ее на несколько секунд от земли, с ее фуэте, когда она превращалась в пушистый от пачек волчок, от которого у зрителей застывало дыхание,— неужели эта пожилая, отяжелевшая женщина — та, его, Люда?

Несколько ударов в ладоши, цыплячий круг весь наготове, и вот под звуки рояля она проходит перед ним, с молодым, бывалым изяществом выпрямляя в воздухе ступни поднимаемых ног, уча легкости и грации, и нет уже ни возраста, ни тяжести тела... была она легкой тогда, Одиллия, выбегала раскланиваться с милой, подкупающей улыбкой, скрестив на миг, приседая в поклоне, волшебные ножки и простерши перед собой почти льющиеся руки.

И вот, следуя очередному заданию, уже устремляются одна за другой белокурые или темноволосые девочки, во вкрадчивом и в то же время уверенном темпе, и Медынцев увидел еще то, чего не было сейчас на сцене, но что было в его жизни когда-то, было так молодо и так сильно, было так счастливо и неповторимо: на фоне именно его декораций, молодого театрального художника, появилась юная Люда Сергеева, розовая и взволнованная первой своей ролью в «Жизели», в прелестном па-де-де... Он стоял тогда в боковых кулисах, видел ее лишь по временам, а потом она исчезала в глубине сцены, и почему в тот миг показалось, что это его судьба? Ведь столько таких же, как и она, проносилось в па-де-де, или вальсе, или в виде лебедей и виллис, но это оказалось его судьбой, и позднее, когда они уже два года были вместе, он сказал ей раз: «Знаешь, в тот вечер я почему-то всем существом почувствовал, что ты моя судьба»,— и она ответила: «А я почему-то волновалась, что ты смотришь на меня... удивительно, какие предчувствия бывают у человека».

Он писал декорации, а она танцевала, иногда именно на фоне его декораций, и, должно быть, дивен был их союз, потому что тенор Озерцов, мягкий и грустный человек, сказал ему однажды:

— Что в сравнении с вашей удачей удача принца, Николай Алексеевич... что́ в сравнении с вашей удачей все его лебеди во главе с Одеттой?

Но где и когда он это потерял? Как находишь — помнишь всегда, а как теряешь — редко помнишь... с чего-то началось, что-то пошло не так, что-то упустил, на что-то понадеялся, и вот в небе запоздалая лебединая стая, и беги не беги за ней, но осень уже все захватила, понесла листья с деревьев, а там и снег и зима, как сегодня, когда откосы берегов Москвы-реки уже белы, над набережной вдоль реки ползет навстречу совсем сизая туча, и опять идет снег.

И снова удары в ладоши то останавливают, то приводят в движение гирлянду светлых или темных головок, юным танцовщицам нравится покачиваться из стороны в сторону на бегу, или, замедляя темп, чуть припадать на отстающую ножку, нравится и потереть перед началом подошвой туфельки по насыпанной канифоли или учиться раскланиваться в балетном глубоком поклоне, полном изящества и признательности, но в то же время и достоинства, как это полагается в искусстве.

...А потом Люда, растерянная и счастливая, сказала ему раз уже поздно вечером, после спектакля, сказала с той глубиной чувства, какое женщина испытывает, наверно, только раз в своей жизни:

— Знаешь, мне кажется,— сказала она,— что я стану матерью.

Она сказала это, не зная, как говорят в таких случаях, смотрела на него смятенная — как же все будет дальше в ее жизни, и он задумался на миг и ответил ей тогда:

— Ты не представляешь себе, что такое ре-

бенок: и фигура и грация — все пострадает, а ты балерина.

Он сказал так, уверив себя, что говорит во имя ее судьбы и искусства, и не признаваясь себе, что не хочет телеги жизни, совсем не приспособленный в своей свободе художника к роли отца. Наверно, именно отсюда и пошла та трещина, то непоправимое, чего сначала не замечаешь, но что идет своим путем, и однажды, как это случается с трещиной, все при первом неосторожном движении ломается, и уже не склеить.

Потом на сцене в последний раз ударили в ладоши, занятия были окончены, пианистка закрыла крышку рояля, и девочки одна за другой стали спускаться со сцены в зрительный зал, где их ожидали с шубками наготове матери или бабушки. Медынцев выждал, пока девочек одели и повели к выходу, вышел следом в коридор и несколько минут спустя окликнул:

— Люда!

— Боже мой,— сказала она, чуть отступив,— как вы оказались здесь?

— Узнал, где ты преподаешь, и захотел увидеть тебя.

— Что так? — спросила она с горькой усмешкой, и он прочел в ее глазах страх стареющей женщины, страх перед удивлением и печалью того, кто знал ее когда-то молодой и сохранил в своей памяти прежнюю.

— Постарела? — спросила она.

— Я тоже постарел, но какая ты еще бодрая, и прелесть, как показываешь.

Она не приняла одобрения, ничего не ответила, и они молча спустились по лестнице и вышли на улицу.

— Мне врач уже запретил многое... запретил самому писать декорации, а я ведь всегда любил писать сам. Широта мазка, размах, не сравнишь ни с какой станковой живописью.

Но она и к этому отнеслась сдержанно, они не виделись — теперь он уже точно высчитал — не восемь лет, а все тринадцать лет. Люде было тридцать два года, когда они разошлись, теперь ей уже под пятьдесят, а он подошел почти вплотную к шестидесяти. Он говорил ей по-прежнему «ты», но она говорила ему «вы», ее память не могла стереть расстояния, которое лежало между ними.

— Приходит время, когда перебираешь свой старый багаж,— сказал он возможно шутливо,— перебираешь и видишь другими глазами, сколько неправильного было в твоей жизни, как неправильно ты жил, хотя казалось, что выбираешь верную дорогу.

С реки дул ветер, уже совсем предзимний, и Людмила Сергеева шла, наклонив голову, спрятав нижнюю часть лица в воротник шубки, или она не хотела, чтобы он видел ее лицо и прочел бы на нем то, чего ему не следовало знать.

— А твои координаты сообщила мне Нина Павловна Раздольская, встретил ее как-то, покупали со стариковским пристрастием чай, рекомендовала сорта подешевле: они слабее настаиваются.

— Что же вы нашли в своем старом багаже? — спросила она вдруг.

Он помедлил.

— Нашел твою балетную туфельку... помнишь, после успеха в первой твоей большой роли в «Жизели» ты подарила мне на память одну из туфелек, в которых танцевала? Но в сказке принц нашел по туфельке Золушку, а я потерял ее. Сказка редко походит на жизнь.

Они прошли по набережной, поднялись на мост, северный ветер сразу ударил в лицо, и вода Москвы-реки была в черной шагрени.

— У меня нет старого багажа,— сказала Людмила Сергеева,— того, что не нужно мне, я не сохраняю. А то, что мне нужно, ношу в душе, незачем и искать это.

Когда-то он, Медынцев, ждал внизу, в вестибюле артистического входа, ту, на которую только что смотрели восхищенно зрители, долго, ритмически складывая аплодисменты в общий, следующий один за другим удар, не отпускали со сцены, она выбегала раскланиваться, молодая и счастливая, и даже грим не скрывал нежной краски ее порозовевших щек... Они шли потом вдвоем по снежным улицам, снег падал крупными хлопьями, и ее шубка и воротник были белы. «Подари мне что-нибудь на память о сегодняшнем вечере»,— сказал он позднее в своей большой мастерской, и она подарила ему одну из белых атласных туфелек, в которых танцевала в этот вечер, атласную туфельку с тупым, округлым носком. Туфелька эта долго висела потом на стене его мастерской среди эскизов костюмов и декораций.

— Странный вы человек, Николай Алексеевич... или вообще мужчины так устроены, им кажется, что подобно тому, как для них прошлое становится старым багажом, складывает и женщина в старый багаж то, что было в ее жизни когда-то. Я говорю не об увлечениях, Николай Алексеевич, я говорю о любви. Вам вот Раздольская рассказала случайно, где меня можно найти, а я никогда не теряла вас, и не потому только, что смотрела иногда балеты или слушала оперы с вашими декорациями... а потому, что и первая моя большая роль и первая моя любовь — все связано с вами, и мне ничего не нужно было перебирать, вы всегда были рядом,— вернее, всегда в моем сердце.

— Но ведь и я не забывал тебя,— сказал он неуверенно,— а старый багаж не означает нечто сваленное в угол, он тоже лежал в сердце у меня, правда, уже плоховато работающем... нашему театральному врачу Ремезову давно не нравится мое сердце.

Но, казалось, она не слышала его; казалось, она слышала лишь саму себя, слышала то, что заново пробудила эта встреча в Доме культуры с его пустым в воскресные утренние часы залом, с полукругом девочек в их белых юбочках в складку и в балетных туфельках еще без жесткого носка, с белыми или красными бантами, завязанными матерями и бабушками на светлых или темных головках...

— Сказать тебе, о чем я думал сегодня, сидя в зрительном зале, а тебе и в голову прийти не могло, что я сижу где-то в задних рядах,— сказать? — спросил он вдруг.— Ведь и у нас с тобой могла в свою пору быть одна из таких же девочек... и, может быть, мы, ныне уже старые люди, пошли бы в театр смотреть ее в первой ответственной роли, возможно, в роли Жизели. Как мы были бы богаты с тобой!

— Это вы и нашли в своем старом багаже? — спросила она горько и в то же время безжалостно.— Но разве можно было складывать это в старый багаж? А я жила с этим всю жизнь, я никогда не расставалась с этим. И признайтесь, Николай Алексеевич, теперь уже можно признаться: не ради моего искусства вы понудили меня тогда к этому, а ради своего спокойствия. Даже моя мама, для которой не было ничего дороже моего искусства, даже она уговаривала меня тогда оставить все как есть... но я верила вам и послушалась вас. Скоро зима,— добавила она как бы с облегчением и глубоко вдохнула холодный, словно в кристаллах, воздух.— Скоро зима... снег все занесет, и нашу сегодняшнюю с вами встречу занесет, ведь столько он уже занес. А того, что ему не занести, он и не занесет никогда. Вы все-таки слушайтесь Ремезова, он опытный врач... он многих оперных певцов лечил в свое время. Ну, вот здесь я сяду в троллейбус, а вы по-прежнему на Петровке живете?

— Нет, уже давно на Каляевской, там у меня мастерская.

Она не спросила, висит ли по-прежнему среди эскизов костюмов и декораций ее туфелька, или уже давно затерялась где-то, а может быть, ее просто выкинули при переезде; но он и сам вспомнил о туфельке и сейчас не мог представить себе, куда она подевалась.

— До свиданья, Людочка,— сказал он и, отвернув край шерстяной варежки, поцеловал ее руку у запястья.— Это все-таки счастливая удача, что я встретил Раздольскую... она хорошо вспоминает о тебе — Нина Павловна. Можно будет еще как-нибудь прийти посмотреть на твоих девочек, просто прелесть, как ты показываешь, я прежнюю увидел в тебе?

— Не нужно, Николай Алексеевич,— сказала она.— Так хорошо было сегодня вспомнить все, вспомнить и нас молодыми, а во второй раз все будет уже совсем не то.

Подъехал троллейбус, и минуту спустя Медынцев остался один, шел потом мимо Александровского сада с его голыми деревьями, и снег лежал на лужайках, на которых летом сплошь цвели красные и лиловые тюльпаны, а на зубчатых кремлевских стенах снег утвердился на всю зиму, видимо. Медынцев шел не спеша, он уже давно привык превращать как бы в прогулку даже деловые выходы из дома и в театр шел всегда так, будто хотел только подышать свежим воздухом.

Он прошел подземным переходом через площадь, постоял в портике театра, вечером шел балет «Золушка», потом свернул на Неглинную и зашел в магазин чаеуправления, в котором несколько дней назад встретился с Раздольской.

— Пачку цейлонского второго сорта,— сказал он продавщице, вспомнив совет Раздольской покупать сорта подешевле, со слабым настоем: так для сердца полегче, так для него полегче.

1

2

Г. В. АЛЕКСАНДРОВ,
кинорежиссер,
народный артист СССР

История создания этого фильма не совсем обычна.

Летом 1926 года нас пригласил в Кремль М. И. Калинин и спросил, что мы снимаем. «Делаем фильм о колхозе»,— ответили мы. «Это важно,— сказал Калинин.— Но я — председатель комитета по проведению празднования 10-летия Октябрьской революции, нам нужен фильм к 10-летию Октября». Мы немного растерялись: как же быть, ведь у нас планы, смета... «Ничего,— сказал Калинин.— Сначала сделайте фильм об Октябрьской революции, а потом продолжите фильм о колхозе» [1]. И положил на стол книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» со словами: «Ленин сказал, что эта книга наиболее полно и ярко показывает октябрьские события. Пусть она вам служит основой для вашей работы».

Вошел Николай Ильич Подвойский, который руководил вооруженным восстанием в дни Октябрьской революции. Калинин представил нас и сказал, что Подвойский будет помогать нам, будет нашим руководителем.

Мы приступили к работе по созданию фильма, посвященного 10-летию Октябрьской революции. Николай Ильич создал группу из нескольких участников Октябрьского переворота, они вместе с нами ходили по Ленинграду и рассказывали, как все происходило.

Сначала фильм назывался «Десять дней, которые потрясли мир...». Но когда мы подготовили сценарий, события были показаны в нем шире, чем у Джона Рида. И мы назвали фильм «Октябрь».

На съемки картины оставалось 4 месяца.

Те участники революции, которые помогали нам своими советами, согласились сниматься в фильме. Согласился и Николай Ильич Подвойский.

Стали подбирать актера на роль Ленина. Впервые должен был появиться Владимир Ильич в художественном фильме. По этому поводу было много дискуссий. Маяковский негодовал: он не мог представить себе, чтобы актер приклеил бороду и играл Ленина. Его многие поддержали. Нам и самим казалось это кощунством. Мы растерялись. Тогда Николай Ильич Подвойский познакомил нас с Надеждой Константиновной Крупской и Марией Ильиничной Ульяновой. Все вместе мы решили: поскольку фильм немой, пригласить на эту роль не актера, а человека, внешне похожего на Ленина. Мы написали обращение в газеты и журналы: «Кто увидит человека, похожего на Ленина, пусть сообщит нам». Стали получать сотни фотографий. В то время режиссер Барский работал в Новороссийске и в массовке увидел человека, очень похожего на Ленина. Он прислал нам фотографию. Н. К. Крупская, М. И. Ульянова и Н. И. Подвойский согласились: «Да, похож».

Это был механик Василий Николаевич Никандров. Мы стали с ним работать. Мария Ильинична Ульянова и Надежда Константиновна Крупская показывали ему жесты Ленина. Крупская говорила, что даже в «Хронике» Ленин не совсем похож на себя: очень уж стремительный и быстрый, в жизни движения его были более плавные и спокойные.

Теперь надо было подобрать исполнителей других исторических персонажей: Свердлова, Антонова-Овсеенки, Дыбенки, Троцкого, Каменева, Керенского и его министров, меньшевиков, представителей буржуазии. Нашли и на них похожих людей.

Фильм делался без грима. И без декораций. Снимали его на подлинных исторических местах.

Работая с участниками Октябрьской революции, мы поняли, что главный герой Октябрьского переворота — народ. И в нашем сценарии главная роль отведена народу. Интересно, что сейчас, во время юбилейных дней, когда фильм смотрели представители многих стран, они говорили, что больше всего в картине им нравится народ.

В феврале 1928 года Н. К. Крупская писала в «Правде»:

«...Чувствуется при просмотре фильма «Октябрь», что зародилось у нас, оформляется уже новое искусство — искусство, отображающее жизнь масс, их переживания... У этого искусства колоссальное будущее. Фильм «Октябрь» — кусок этого искусства будущего. В нем много прекрасного...»

Для того, чтобы показать сотни лиц, из которых складывается портрет революционного народа, нужно было найти новые методы съемки и монтажа. В этом отношении фильм «Октябрь» уникален. В современном полнометражном художественном фильме, 300 или 400 монтажных кусков. В фильме «Октябрь» их 3 300 — в десять раз больше. То есть столько точек видения происходящих событий, сколько в 10 современных фильмах.

Это изобретение киновыразительности позволило показать в фильме огромное количество событий и участвующих в них людей.

Мы снимали фильм, как я уже говорил, без декораций и грима. Все натуральное. Вы побываете вместе с участниками октябрьских событий в тех самых комнатах Смольного, Зимнего дворца, где происходили события. За 10 лет после Октябрьской революции здания эти не ремонтировались и не реконструировались, все оставалось таким, как в те дни. Поэтому наш фильм стал и историческим документом. В нем зафиксировано все так, как было во время революции,— и люди и город.

Нам приходилось делать ночные съемки, а пленка была малочувствительной. Нужно было огромное количество электроэнергии. Собрав всю осветительную аппаратуру из Москвы и Ленинграда, мы обратились за помощью к С. М. Кирову, и нам выделили специальную электростанцию. Пока снимался штурм Зимнего, некоторые районы Ленинграда оставались без света.

[1] «Старое и новое».

3

Не обошлось и без недоразумений. Нужно было снимать палящие пушки Петропавловки. В Ленинграде же пушки всегда сигнализировали о наводнении. Первый залп означал: всем бригадам подготовиться, второй — явиться на сбор, третий — выносить все вещи из подвалов. Чтобы это предотвратить, нам порекомендовали сделать публикацию в «Ведомостях» Ленсовета. Публикацию мы сделали, но ведь «Ведомости» мало кто читал. Мы палили всю ночь. А наутро многие улицы были заполнены мебелью. Люди вытаскивали из подвалов вещи. Даже в студии «Ленфильм», находящейся в 500 метрах за крепостью, реквизит, мебель, костюмы подняли на чердаки.

Когда фильм был снят, мы привезли пленку в Москву. Монтировали по нескольку суток подряд, чтобы не заснуть, делали себе уколы.

Вечером 7 ноября в Большом театре после юбилейного торжественного заседания, посвященного 10-летию Октябрьской революции, демонстрировался «Октябрь». В тот вечер картина произвела большое впечатление, но... не на всех. Были в то время люди, которые считали, что их деятельность в фильме отражена недостаточно...

«Октябрь» вышел на экраны в марте 1928 года и довольно скоро ушел в небытие. Многие кинематографисты решили, что он никогда больше не пойдет, и стали пользоваться кусками из фильма, включая их в художественные и даже в документальные картины. Негатив резался и не восстанавливался.

Отдельные фотографии из фильма вошли в экспозиции музеев, печатались как документальные в учебниках: они действительно точно и досконально воспроизводили исторические события. Кадры из «Октября» можно увидеть и во многих зарубежных документальных фильмах.

Во время Отечественной войны остатки негатива фильма «Октябрь» были окончательно утрачены.

В 1952 году сотрудники Госфильмофонда СССР проделали большую работу и восстановили, насколько было возможно, из многих копий экземпляр фильма. Но не все нашлось и не все попало на свое место. Однако этот экземпляр возбудил во мне желание восстановить картину в ее первоначальном виде. Бывая во многих странах, я находил там копии фильма и выискивал сохранившиеся монтажные фразы — вел записи.

Когда перед нами была поставлена задача восстановить «Октябрь» к 50-летию Октябрьской революции, возникло множество технических и творческих трудностей.

К счастью, в Центральном Государственном архиве литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ) сохранились большие материалы С. М. Эйзенштейна и рукописи сценария, написанные моей рукой. Это помогло восстановить оригинальную композицию фильма. И не только восстановить, но и отредактировать в соответствии с пожеланиями С. М. Эйзенштейна.

Вторая задача заключалась в том, чтобы немой фильм, снятый со скоростью 16 клеток в секунду, растянуть на звуковой темп — 24 клетки, чтобы его можно было демонстрировать на современных стандартных аппаратах.

Еще одна проблема волновала нас: сейчас время звукового кино, и выпустить на экраны немую картину просто немыслимо. Но каков должен быть звук? Озвучить действующих лиц, чтобы они заговорили, немыслимо. Заменить надписи дикторским текстом невозможно: в фильме надписи являются активными монтажными кусками, и их изъятие разрушит монтаж. Прибавить дикторский текст? Попробовали. Но появление дополнительного текста портило основной. Пришлось отказаться и от этого.

В свое время фильм шел под компилятивную музыку, которую исполняли оркестры в кинотеатрах или просто импровизировали пианисты.

Сейчас нам хотелось создать музыку, которая была бы элементом композиции, подчеркнула в фильме чувства и мысли, помогала характеристике персонажей и событий, выявляла отношение авторов. Такой и оказалась великолепная музыка замечательного композитора Д. Д. Шостаковича. Ее с полным правом можно назвать музыкой революции.

Так «Октябрь» стал современным фильмом и в звуковом отношении. Мне думается, если бы С. М. Эйзенштейн и Н. И. Подвойский увидели фильм в его настоящем виде, они были бы удовлетворены, ибо многие их желания теперь исполнились.

Хочется закончить рассказ о работе над фильмом словами Н. И. Подвойского:

«Эта фильма будет потрясать мир... участники ее, ленинградские рабочие, передали в ней свой настоящий пафос и энтузиазм.

...В ней передано нарастание революционного шквала, который не будет забыт, будет звать наших зарубежных товарищей сделать все то, что сделали их братья в России, ставшей Советской».

1—2. Кадры из фильма «Октябрь».

3. В. Н. Никандров — механик из Новороссийска, первый исполнитель роли Ленина в кинематографе.

4. Оператор Э. Тиссе прикорнул тут же, на месте съемок.

5. Съемочная группа на посту.

4

5

А. СОФРОНОВ

Время работает...

Последние два-три года шли в ощущении приближения большого праздника. Пятидесятилетие страны — это не пятидесятилетие одного человека, даже очень уважаемого и любимого. Да к тому же пятидесятилетие государства новой общественной формации. Рабочие, солдаты и матросы, штурмовавшие Зимний, вряд ли загадывали, каким будет праздник пятидесятилетия. Они верили слову Владимира Ильича Ленина, верили коммунистам. Ведь и среди тех, кто штурмовал Зимний, не все были коммунистами. Во время Октябрьского штурма упрочился фундамент вековечного блока коммунистов и беспартийных, нерушимой связи партии и народа. Фундамент был заложен, здание строилось полвека и за это время не дало ни единой трещины.

Когда наступил новый, 1967 год, до пятидесятилетия остались считанные десять месяцев. Для нас они были временем подведения итогов полувековой истории труда рабочего класса и колхозного крестьянства, успехов научной и творческой интеллигенции, временем воспоминаний героических подвигов и мужества советских людей, временем сбора плодов великой дружбы всех народов Советского Союза. Пять десятилетий, кирпич по кирпичу, строилось наше государство. Строилось и стало невиданно могучим. Конечно же, пятидесятилетие Советского государства не могло доставить удовольствия нашим врагам. Еще бы: столько пророчеств, и все рухнули. Только некоторые «пророки» что-то еще бормочут. Естественно, что нашим врагам-империалистам и их прихвостням, идеологам и пропагандистам капитализма, хотелось испортить праздник хоть чем-нибудь, хоть как-нибудь да испортить. Вся пропагандистская машина была пущена в ход. Их ведь тоже понять надо: не так-то просто объяснить существование, да не просто существование, а еще победное шествие Советского Союза в течение пятидесяти лет. Что и говорить, штука непростая. Тут уж, хочешь не хочешь, подгребешь что под руку попало... Вот и подгребали от маразматика Керенского до кликуши Аллилуевой. Не брезговали никакими инсинуациями и гадостями. Но все они лопнули, как мыльный пузырь. Как ни смазывали пропагандистскую машину, работала она со скрипом, на холостом ходу и огромных затрат не оправдала.

Не сработала пропагандистская машина и по другим направлениям. Китайские раскольники в оголтелых радиопередачах грозили нам, чем попало. Нашли кого запугать! Всякие были у нас годовщины. И ничего, слабее мы от них не стали. Двадцать пятую годовщину Октября, помню, встречали мы в землянке брянских партизан.

Было 7 ноября 1942 года солнечным и каким-то особенно торжественным среди сосен брянского леса, запорошенных снегом. На лесной полянке начальник штаба объединенных партизанских отрядов Брянщины товарищ Матвеев вручал героям дерзких рейдов ордена Ленина и Боевого Красного Знамени. Двадцать пять лет тому назад! Четверть века! Мы пели тогда в землянках партизанские песни и мечтали о будущем. Многих из тех, кто сидел в ту пору с нами в землянках, уже нет в живых, а будущее, о котором мы мечтали, стало явью — оно перед нашими глазами.

«Такого великолепия красок Москва еще не видела. В столицу приехали в своих ярких национальных нарядах делегации из всех частей многонациональной страны, а также иностранные гости. Никогда еще в Москве не было столько цветов. 50-я годовщина революции — это народный праздник, в котором участвуют все». Кому принадлежат эти слова? Уж не самым ли близким нашим друзьям? Да нет же, отнюдь не самым близким. Эти слова принадлежат московскому корреспонденту западногерманской газеты «Рейнише пост», рассказавшему на страницах своей газеты об атмосфере, царившей в советской столице в дни празднования пятидесятилетия Октября.

Может, это — случайное свидетельство не в меру впечатлительного корреспондента? Нет, не случайное.

«10 дней октября 1917 года не только потрясли, но и изменили мир,— пишет гамбургская газета «Ди андере цайтунг».— За 50 лет Советский Союз совершил то, для чего индустриально высокоразвитым странам Западной Европы и Северной Америки потребовалось минимум 150 лет. Из самой отсталой среди крупных европейских стран Россия стала крупнейшей промышленной державой Европы и Азии, производящей больше стали, чем Англия, Франция, Западная Германия и Италия вместе взятые. И все это было достигнуто в борьбе с невиданными трудностями и фанатичными врагами».

По поводу фанатичности врагов гамбургская газета, несомненно, более осведомлена, чем мы. Всего два года назад я был в Гамбурге, видел этот крупнейший город Западной Германии зимой, в предрождественские дни. Видел я там и новые, современные, совсем по-американски построенные дома и развалины жилых кварталов Гамбурга — это еще со времен американских бомбардировок. Вроде бы и не пристало сейчас укорять американцев, в ту пору наших союзников, за эти бомбардировки: была война, и мы сражались со злейшим нашим врагом — немецким фашизмом. Но, странное дело, вместо того, чтобы сосредоточить тогда силы на открытии второго фронта, американская авиация громила рабочие кварталы, убивала женщин и детей Гамбурга, Дрездена и других немецких городов. И делала она это так же упорно, с такой же последовательностью, с какой совершает сейчас свое грязное дело во Вьетнаме.

К слову сказать, коль скоро речь зашла о ФРГ, безумные идеи реваншизма тревожат головы не только некоторых одряхлевших умом и телом старцев Западной Германии. Есть еще там силы, которые молятся на печальной памяти одну из мюнхенских пивных, где, словно из купели, был вынут брызжущий пеной Гитлер. Опубликованные недавно заявления Советского правительства правительству ФРГ, а также правительствам США, Англии и Франции с предельной ясностью говорят о той опасности для дела мира, которая таится в возникающем очаге нацизма в Западной Германии.

Перед самыми праздниками в Советском комитете солидарности стран Азии и Африки пришлось мне беседовать с министром обороны Уганды, генеральным секретарем партии «Народный конгресс Уганды» Феликсом Онама. Мой собеседник был в отличном настроении. Предпраздничная Москва пленила его своим многоцветьем. Он высоко оценивал роль Советского Союза в освобождении африканских народов от колониализма. «Мы научились многому за это время,— говорил он,— и когда почувствовали в нашей стране происки империалистических агентов, пытавшихся повернуть нашу страну на старый путь подчинения капитализму, мы нашли в себе силы вышвырнуть этих агентов из Уганды. Мы узнали за эти годы не только наших врагов, но и узнали подлинных наших друзей». И это были не только слова. Именно в эти дни газета «Уганда аргус», выходящая в городе Кампале (столице Уганды), под заголовком «Сотрудничество во имя прогресса» опубликовала специальное приложение на четырех страницах, на которых рассказала о грандиозных достижениях трудящихся Советского Союза, о дружбе, экономическом и культурном сотрудничестве между Советским Союзом и Республикой Угандой.

В эти же дни в помещении Национального театра Общество угандийско-советской дружбы и культурных связей устроило прием по случаю 50-й годовщины Октябрьской революции.

Три года тому назад в составе делегации Советского комитета солидарности стран Азии и Африки были мы в Уганде. Ее нынешний президент Милтон Оботе принял нас. Встреча была по-настоящему сердечной. Милтон Оботе высказал тогда мысль о необходимости создания Общества угандийско-советской дружбы. Эту мысль он повторил в совместном выступлении с представителями советской делегации по телевидению. Прошло три года — отношения Советского Союза с этой удивительно красивой страной, с ее правительством, с ее веселым и мужественным народом значительно окрепли.

В эти же предпраздничные дни мы встречались с руководителем партизанского движения Анголы, симпатичным и мужественным человеком, замечательным поэтом Аугустиньо Нето. Известно, что Советский Союз оказывает большую моральную и материальную помощь революционной армии Анголы, борющейся с португальскими колонизаторами. На освобожденных от португальских колонизаторов территориях (а их уже много) началась новая жизнь свободных людей. О ней рассказал нам Аугустиньо Нето. Он обратился к нам с просьбой увеличить тиражи учебников, печатающихся у нас для ангольских ребятишек. Необходимы ученические тетради, ручки, чернила и карандаши. Ангольские ребятишки в школах, расположенных в джунглях, пишут углем на коре. Надо присылать лекарства, перевязочные материалы (идут бои — нет ваты и бинтов), сгущенное молоко для детей, одежду, одеяла...

Аугустиньо Нето беседовал с нами не торопясь. Все, о чем он говорил, имело большое значение... В конце беседы я спросил его:

— Остается ли время писать стихи?

Нето мягко улыбнулся:

— Нет, сейчас мы сражаемся.

— Но в этом году, в марте, «Огонек» печатал ваши стихи?

— Они были написаны раньше.

...Весной этого года вместе с делегатами III конференции писателей стран Азии и Африки, происходившей в столице Ливана Бейруте, мы посетили столицу Сирии — Дамаск. Это было начало апреля. Под Дамаском цвели абрикосовые сады. Все было в розовато-белом мареве. Был праздничный день. В садах отдыхали тысячи жителей Дамаска. Дети звонко смеялись, качались на гамаках. Но мы чувствовали, что здесь не все так безоблачно, как этот весенний день, как апрельское синее небо. На центральной площади сидели группами сирийские солдаты. Некоторые из них пили чай, купленный здесь же у уличного торговца. По городу разъезжали грузовые автомашины с солдатами. Военные машины стояли рядом с автобусами, в которых сотни мусульман отправлялись на поклонение в священную Мекку. Мы были всего два дня в Дамаске, но и за этот короткий срок почувствовали тревогу сирийцев: в воздухе пахло войной. Запахом войны тянуло от границ Израиля. Сирийцы проявляли особое расположение к нам, людям из

Славим 50-летие Великого Октября!

Фото Дм. Бальтерманца.

Исторический пролог парада. Гремят барабаны.

Фото А. Бочиннина и Е. Умнова.

Под звуки спортивных маршей проходит юность страны.

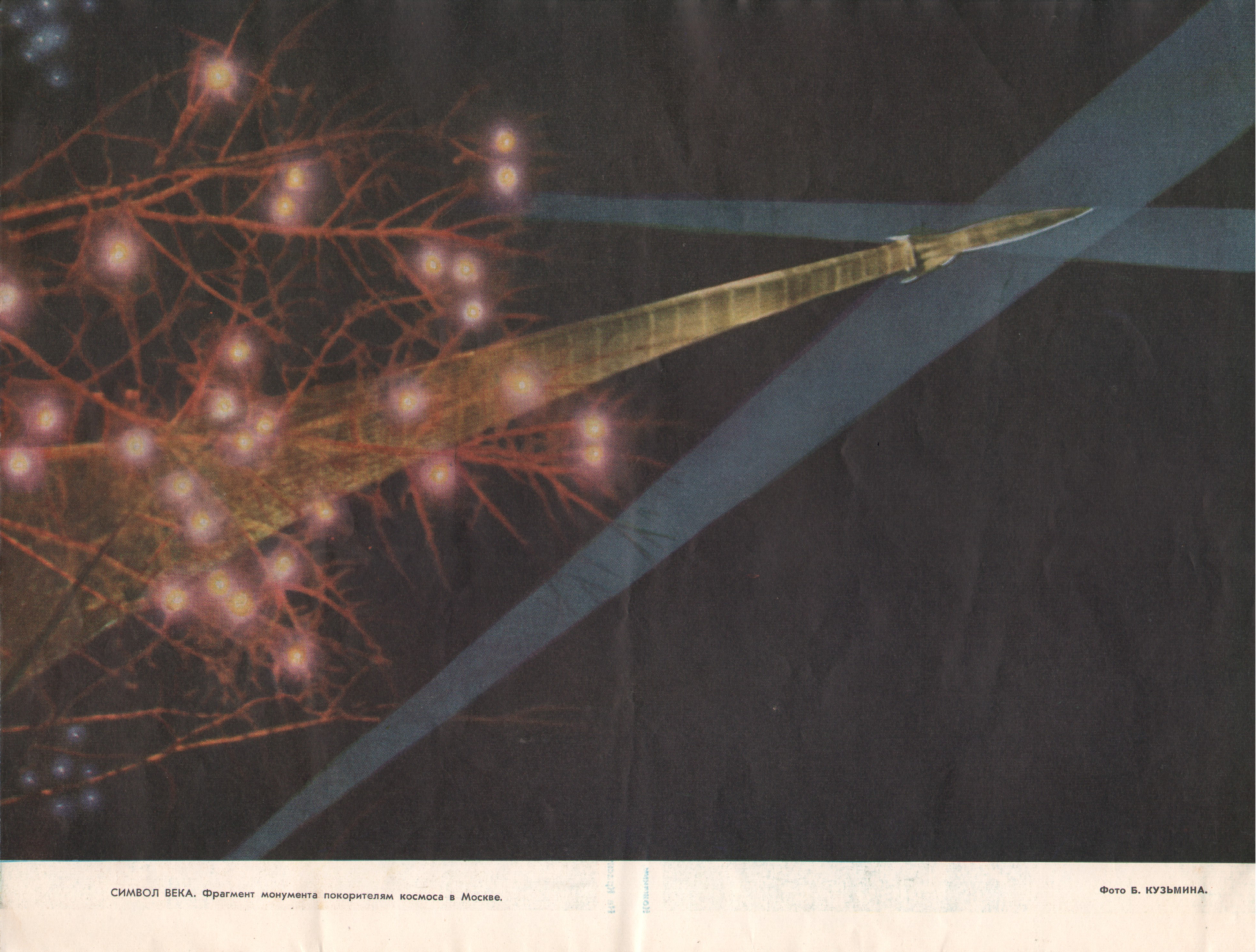
ПАМЯТНИК В. И. ЛЕНИНУ В КРЕМЛЕ.

На развороте вкладки:
ПРАЗДНИЧНЫЕ ОГНИ КРЕМЛЕВСКОГО ДВОРЦА СЪЕЗДОВ.

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

СИМВОЛ ВЕКА. Фрагмент монумента покорителям космоса в Москве.

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Кожанки, бушлаты, пулеметные ленты — так шли на штурм моряки, так брали Зимний.

На Красную площадь вступает трудовая Москва.

Фото Л. Бородулина и Г. Копосова.

В праздничном небе столицы.

Фото Б. Кузьмина.

Страны Советов. Тут все знали о помощи Советского Союза Сирии, о том, как на Евфрате идут первые изыскания, связанные с подготовкой к строительству так необходимого сирийскому народу крупного гидроэнергетического узла. Символ Асуана шел от одной арабской страны к другой...

Через два месяца Израиль совершил вероломное нападение на ОАР, Сирию, Иорданию. Всему миру известна решительная позиция и реальная помощь арабским государствам со стороны Советского Союза. Несмотря на попытки империалистов и реакционеров поссорить арабские государства с Советским Союзом, дружба арабов и советских народов стала еще крепче. Друзья действительно познаются в беде.

Поэтому так естественно, что у советского посольства в Дамаске и в самом посольстве в дни празднования пятидесятилетия собирались многочисленные делегации. Здесь были самые разные люди: ученые, писатели, служащие, рабочие, крестьяне, студенты, школьники.

«В эти дни наши взоры, как и многих миллионов тружеников планеты, прикованы к столице первого в мире социалистического государства, рожденного славным Октябрем,— заявили члены рабочей делегации из сирийского города Деръа.— На сегодняшнем торжественном собрании в Кремлевском Дворце Коммунистическая партия Советского Союза, правительство СССР доложили советскому народу и всему миру о тех замечательных свершениях, которые произошли за 50 лет в стране Советов. Мы вместе со всем прогрессивным человечеством радуемся этим успехам и желаем стране Октября новых побед во всех областях человеческой деятельности».

Алжирская газета «Эль-Муджахид» на первой полосе опубликовала проникновенные слова, обращенные к народам Советского Союза: «У Алжира есть свои особые причины, чтобы в полной мере присоединиться к празднику советских людей, торжественно отмечающих эту историческую дату. Эта причина — прочная и продолжительная дружба, которая связывает наши народы.

Эта дружба восходит ко временам нашей освободительной борьбы, когда Советский Союз был на нашей стороне и оказывал нам помощь. Эта дружба все более крепла с годами и после достижения нами независимости. Доказательств тому слишком много, чтобы их здесь можно было перечислить. Достаточно вспомнить о советских военнослужащих, которые погибли на нашей земле, когда они бок о бок с нашими соотечественниками работали на разминировании алжирских границ. Достаточно сказать о 300 советских врачах, которые оказывают медицинскую помощь нашему населению. Достаточно, наконец, сказать о помощи, которую Советский Союз оказывает нам в экономическом развитии.

Именно поэтому 50-летие Октябрьской революции, праздник советского народа, это — и наш праздник!»

Несколько раз по дороге в Австралию я приземлялся в Сингапуре. Обычно это был поздний вечер. Шумный аэропорт Сингапура, словно узловая станция, всегда наполнен разноязычной речью. Где-то за пределами аэропорта угадывалась другая жизнь. Скучали шоферы такси возле своих машин. Неоновые огни освещали небольшие лавочки уличных торговцев. Но однажды я смог несколько ближе познакомиться с сингапурцами. Судьба свела меня в Танзании, в городе Моши, расположенном вблизи подножия самой высокой африканской горы Килиманджаро, с делегацией Сингапура, прибывшей на III конференцию солидарности стран Азии и Африки. Это были молодые люди разных профессий, желавшие внести свой вклад в дело борьбы с колониализмом. К сожалению, китайские раскольники тогда сделали все, чтобы сингапурцы не были допущены на конференцию в качестве делегатов. Посланцы Советского Союза, замечательный турецкий поэт Назым Хикмет и многие другие наши товарищи подружились с сингапурцами. В 1967 году на сессии Совета афро-азиатской солидарности, происходившей в Никозии на Кипре, сингапурский комитет солидарности стал полноправным членом афро-азиатской солидарности.

Конечно, сингапурская газета «Стрейтс таймс» в ноябре 1967 года полностью не отражала мысли и думы наших сингапурских друзей. Но то, что было ею сказано, свидетельствует: и туда, в Сингапур, долетели ветры понимания, трезвой оценки роли и значения Советского Союза. «Что бы ни говорили о русских на протяжении последних 50 лет, им следует отдать должное,— писала газета.— Они замечательные люди. Русские начали с 70-процентной неграмотности населения, а сейчас у них имеется целая плеяда талантливых инженеров и специалистов в различных областях знаний. У них наибольшее число врачей на тысячу человек населения. Это самый высокий показатель в мире. Они оставили позади Соединенные Штаты и другие западные капиталистические страны. За 50 лет они прошли колоссальные трудности — гражданскую войну, войну с фашистской Германией, что стоило русским свыше 20 миллионов убитыми, разрушения, голод и лишения. Русские раскрыли таланты необъятной массы крестьянства. Миллионы и миллионы советских семей живут в отдельных благоустроенных квартирах с удивительно низкой квартплатой... Русские смотрят в последующие десятилетия с уверенностью...»

Десять лет назад в Каире открылась Первая конференция солидарности стран Азии и Африки. Советский Союз, Индия, Египет, Япония, КНР, Сирия, Алжир, Ирак, Бирма, Эфиопия, Цейлон и многие другие страны направили своих делегатов в столицу Египта.

Многие африканские страны тайными путями, через заградительные кордоны и полицейские рогатки еще господствовавших тогда в Африке колонизаторов послали своих делегатов. Они по одному прибывали на конференцию, и делегаты овациями встречали каждого из них. Все это у нас в памяти. В памяти многотысячные толпы египтян, рукоплесканиями встречающих делегатов конференции. За эти годы выросла и окрепла афро-азиатская солидарность, несмотря на попытки китайских раскольников оторвать от Советского Союза народы Африки, Азии и Латинской Америки. Если на первых порах находились люди, поддававшиеся на цветистую, но грубую демагогию пропагандистов Пекина, то сейчас ряды их сильно потаяли... Народы всего мира и за эти годы убедились в незыблемости ленинского пути страны Советов, Коммунистической партии Советского Союза. Апофеозом полувекового пути нашей Родины явилось празднование пятидесятилетия Октября. Почти сто стран от лица коммунистических и рабочих партий, от лица многих социалистических партий и организаций, от лица борцов за свободу и национальную независимость, от лица стран, сбросивших иго колониализма, прислали своих представителей на торжественное заседание Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР.

...Москва. Кремлевский Дворец съездов. Улицы и площади Москвы и Ленинграда. Столицы всех наших союзных республик, все народы Советского Союза открыли свои сердца дорогим гостям. И это было не просто «все флаги к нам». Гости выходили на трибуны Кремлевского Дворца съездов, торжественных заседаний в Москве и Ленинграде, в союзных республиках... И от души произносили слова благодарности и уважения Коммунистической партии Советского Союза, народам СССР за их великий подвиг на благо всего человечества. Главы делегаций социалистических стран, руководители и главы делегаций испытанных в боях коммунистических партий капиталистических стран Европы, Соединенных Штатов Америки, стран Латинской Америки, Азии и Африки единодушно одобряли деятельность Коммунистической партии Советского Союза, ее успехи за полстолетия.

Воодушевленно был принят доклад Генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза Леонида Ильича Брежнева. Верные своим поискам сенсаций, корреспонденты телевизионной компании «Американ бродкастинг компани», передавая с помощью спутника связи репортаж из Москвы, отметили, что шесть тысяч участников торжественного заседания 125 раз прерывали аплодисментами выступление Л. И. Брежнева... Да, чудно хороша была столица нашей Родины в эти праздничные дни. Словно по заказу, стояла теплая, солнечная погода. И, озаренный этим осенним солнцем, особенно ярко и внушительно выглядел мощный военный парад на Красной площади 7 ноября 1967 года. Парад в день пятидесятилетия!

Перед праздниками в Кремле был открыт памятник создателю Советского государства, организатору нашей Коммунистической партии Владимиру Ильичу Ленину. Среди заснеженных елей Ильич словно бы живой сидит и с мудрым прищуром оглядывает все, что свершилось за полстолетие не только на его родной земле, но и на всей беспокойной планете Земля.

«Исторический итог истекшего полувека,— говорил Л. И. Брежнев,— состоит в том, что соотношение сил на мировой арене коренным образом изменилось в пользу рабочего класса, в пользу всех сил прогресса, демократии и социализма».

Естественно, что капиталистический мир, его магнатов и идеологов беспокоят успехи Советского Союза, успехи всех социалистических стран, международного революционного движения, национально-освободительного движения в Африке, Азии и Латинской Америке. Варварская война Соединенных Штатов Америки против героического Вьетнама — это тоже своего рода «беспокойство», попытка остановить революционное движение народов. Агрессию Израиля против ОАР, Сирии, Иордании, питающуюся зримой и незримой поддержкой США, тоже можно отнести к такому «беспокойству». Но все эти попытки, хотя и кровавые, остаются попытками с негодными средствами. Вьетнамский народ никогда не будет поставлен на колени! Никому не дано повернуть вспять арабские народы, ставшие на путь строительства новой жизни.

Токийская газета «Санкэй Симбун», анализируя путь СССР за пятьдесят лет, высказывает пожелание советской революции и международному коммунистическому движению, чтобы они «избегали противостояния капитализму, перенимая друг у друга лучшее». Что же, мы никогда не чурались перенимать и у капиталистического мира лучшее, что есть у него в области науки и техники, но что касается самого капитализма, то Октябрьская революция и все, что последовало за ней — могучее революционное и национально-освободительное движение во всем мире,— и являются классическим «противостоянием капитализму», и не просто противостоянием. Мы активно стремимся к тому, чтобы навсегда исчез мир капитализма, мир угнетения и эксплуатации человека человеком.

В этом уже отлично разобрались миллионы людей на всем земном шаре.

В этом начали разбираться и те, чьи головы еще недавно были забиты легендами о «железном занавесе», о коммунистической узурпации и т. д. Не так давно американский авианосец «Интрепид» покинули четверо молодых американцев. Еще совсем юноши. Трое из них только в январе 1967 года, после окончания школы, были призваны в армию и отправлены в Тихий океан на авианосец. Самому старшему из них, Джону Барилла, 20 лет. В январе 1968 года он мог закончить службу и вернуться на родину. Но он не пожелал этого сделать... Мы виделись с юными американцами в Москве. Один из них сказал мне: «Я потерял своего отца. Разошелся с ним во взглядах на государственное устройство Соединенных Штатов. Отец считает это устройство идеальным и не требующим перемен. Я придерживаюсь противоположной точки зрения. Мы разошлись...» Оказывается, линия «противостояния капитализму» проходит не только через сердца советских людей, политических деятелей, активно борющихся с капитализмом, но и через сердца рядовых людей, думающих о будущем устройстве мира.

...Мы празднично заканчиваем 1967 год, год пятидесятилетия Октября. Празднично, но не бездумно. У нас впереди много работы, много еще не решенных задач. Эти задачи ясны нашему народу. Мы сделаем все, чтобы наша революция и дальше шла по пути активного «противостояния капитализму». Время работает на нас. Время работает на коммунизм. С этими мыслями мы закрываем последнюю страницу полувековой книги борьбы нашего народа и открываем первую страницу 1968 года, первого года второго полувека строительства коммунизма.

Александр **КОВАЛЬ-ВОЛКОВ**

ЖИВАЯ НИТЬ

РОДИНА

Друзья мои —
Счастливые поэты —
Безвыездно верны родным местам
Которыми их творчество согрето.
Я в этом
Не завидую друзьям.

Я сам в походах
Вспоминал проселки,
Тоскуя по родимой стороне.
О Доне грезил
Горестно и долго,
Клинком отцовским
Он горел во мне.

Легли в семнадцать
Первые погоны.
Песчинка в поколении моем,
Я осознал себя,
Юнец зеленый,
На Висле, в наступленье,
Под огнем.

А после
Служба наша боевая,
Она меня носила по стране.
Тогда-то степь
Великого Абая
Красою дикой
проросла во мне.

И Рига —
Удивительная книга —
Мне многое сумела преподать.
Душевная, что праздник песни «Лиго»,
Я и о ней не вправе умолчать.

Зеленая
Красавица Одесса
Мне уступила девушку одну...
Спросите
Молдаванку и Пересыпь —
У той весны остался я в плену.
С мохнатой сопки
В дебрях Сахалина
Мой первенец увидел белый свет.
Я службу нес
На рубежах орлиных,—
Суровее и ярче края нет.

Над островом идешь,
Клубится трасса,
И в дымке за проливом материк.
Охотский берег —
Не охватишь глазом.
И Сахалин что кит:
Хребет-плавник
Взрезает снизу
Пелену тумана.
В волну, под солнце, стряхивая сон,
Плывет мой кит на ластах океана,
Курильским ожерельем окаймлен...

Люблю мой Дон,—
Да разве в этом дело?
Отцовский кров немыслимо забыть.
Но те края, где служба пролетела,
Солдат уже не в силах
Разлюбить...

* * *

Искорка
Высоко из костра
Поднялась во всем великолепье,
Вспыхнула звездой,
как звезд сестра,
Мглу прожгла
и обратилась в пепел.
Бушевало пламя над костром,
Радовало нас
теплом и светом,
На его дыхании крутом
Уносились искры, как ракеты.
Вечного тепла живая нить
В каждой искре
полыхала жарко,
Чтобы та
могла хоть миг прожить
И в сердцах
запечатлеться
ярко...

* * *

Небо щедро
Сыпануло капли,
И они ударили по крыше.
Ели распрямились, будто цапли:
Дождик теплый к ним навстречу вышел.
Прошагал, прямой и деловитый,
Тишину послушал удивленно,
И, его дыханием омыты,
Почки на заре раскрыли клены.
И, привстав на цыпочки, березы
Глянули восторженно
на крышу:
Там танцуют капли,
как матросы,—
Я во сне
чечетку
слышу.
Дождь! Тебе
мои лицо и руки,
Твоему
дыханию внимаю,
Радуюсь: во мне
ростки и звуки
Головою землю поднимают!

* * *

Пока родные живы —
Мы беспечны
И забываем попросту
О них,
Как будто бы мы все на свете
Вечны
И время не летит на вороных.

А время всем предначертало сроки,
Гудит в ушах —
аллюром три креста...
Спохватишься на жизненной дороге,
Когда мелькнет
последняя верста...

Аленка

Г. ВЛАДИМИРОВА

Фото М. САВИНА.

7 ноября 1967 года в Москве родилась девочка. Алёнка. В тихом Шелапутинском переулке, недалеко от Таганки, в большом доме, который хорошо знают многие жительницы города. В доме этом, носящем имя Клары Цеткин, за сорок лет его существования появились на свет десятки тысяч москвичей и москвичек — население под стать среднему городу. Можно было бы рассказать, как много совершили они за это время всяких добрых дел... Но вернемся к нашей Алёнке.

В тот недавний, всем нам памятный день, когда над Москвой вставало утро великого праздника, тут, в этом доме, шла своя, не подчиняющаяся никаким событиям, особенная жизнь. Жизнь во имя наступления новой жизни. Как всегда, у истоков ее несли свою вахту врачи, сестры и няни.

Принаряженный, сверкающий огнями город еще спал, когда дежурная акушерка Нина Андреевна Кудрявцева радостно и громко воскликнула: «Девочка!»

Нина Андреевна положила на лоток крохотное золотоголовое существо и бросила украдкой взгляд на часы: стрелки показывали 2 часа 30 минут. Ни акушерка, ни нянечка, ни молодая мать в эту минуту, конечно, не подумали о том, что именно в этот час, пятьдесят лет назад, к разведенному юнкерами Николаевскому мосту подходила легендарная «Аврора». Им, троим, было сейчас не до того. А может быть, не до того было и еще одному человеку на свете, который бодрствовал в эту ночь и нервными шагами ходил под окнами.

В семь часов утра он, не выдержав, постучал в закрытые двери. Пожилая нянечка в приемном покое не удивилась столь раннему гостю, а бросила ласковое: «Подожди, милый, сейчас пойду узнаю» — и очень удивилась, когда ошалевший от радости отец стиснул ее в объятиях и чмокнул в щеку: «Наконец-то, долгожданная!»

«Что это с ним? — подумала няня.— Все отцы хотят иметь сыновей, а он дочку. Какой-то не такой...»

А разгадка была проста. Четвертое поколение двух старинных рабочих московских семейств Чуенковых и Зиминых сплошь представлено мужским полом самого разного возраста, от года до десяти лет. И все прабабки, бабки, мамы и папы, дяди и тети нетерпеливо поглядывали на Лизу и Сашу: может быть, бог даст, они принесут мальчишкам сестричку? Что ж, им повезло! У молоденькой наборщицы типографии «Московской правды» Елизаветы Чуенковой и слесаря завода «Геоприборцветмет» Александра Чуенкова родилась дочь. Да в какой еще день родилась, да в какой еще час!

Впрочем, в доме на Шелапутинском переулке Алёнка оказалась не единственной счастливицей. Вслед за ней появилась на свет девочка у работницы аптеки Тансии Трофимовой, дочь у портнихи Сании Мухитдиновой, а у старшего товароведа Ларисы Черкасовой, продавца Тамары Васиной и научного сотрудника Виктории Панкратовой — сыновья. В общем, в этом доме 7 ноября было поровну три мальчика и три девочки. Зато в других родильных домах арифметика оказалась явно в пользу девочек. В доме имени Грауэрмана — пять девочек и один мальчик. В доме № 2, на 1-й Филевской улице,— четыре девочки и два мальчика. Соотношение, так сказать, небезынтересное. Существует в народе примета, что год, в который рождается больше девочек, будет добрым, счастливым.

Сегодня, оглядываясь назад, мы можем сказать: поверье подтвердилось сполна. Пусть же этот уходящий год принесет счастье Алёнке и всем ее сверстникам-новорожденным!

Купите трембиту!

Михаил ГОДЕНКО

Если будете на Карпатах, купите себе трембиту.

Как ее найти? О, это очень просто. Поезжайте до Коломыи. И там, на просторном дворе автостанции, разыщите автобус, который идет до села Брустури... Скажу заранее: автобус маленький, а желающих ехать собирается порядочно. Так что посадка бывает нелегкой.

Но вот вы и в машине. Устроились, правда, не у окна, где легче дышится, а в проходе. И не на мягком сиденье, а на чужой десаге — мешок такой из полосатого рядна. Сидеть, как на Украине говорят, «мулько». Под вами какие-то не очень мягкие пожитки. Но и то, слава богу, не на ногах!

Дорога пока хорошая. Автобус плавно катится по асфальту. По сторонам мелькают изгороди, зароды сена (вот где его много!), похожие на бурых медведей, вставших на задние лапы, мелькают высокие колья, по которым вьется фасоль. Проплывают хаты. Они такие ясные, улыбчивые. Крыши их сидят прямо, легко, словно шляпы на головах гуцулов. Стены беленые. Снизу, до окон, обшиты прополитуренным тесом. По самому их верху пущен тес с кружевным рисунком. Он, словно легкая желтоватая занавеска, свисает из-под крыши. Смотришь — и смотреть хочется!

Вон там уже виднеются Брустури. Узкая дорога покарабкалась в гору. Под колесами шуршит галька, намытая горным потоком.

Деревянные избы разбросаны беспорядочно. Они непохожи на те хаты, которые белеют в долине. Это рубленые дома, они посерели от туманов. Сильно нахлобученные крыши кромками упираются в столбики-подпорки. Вокруг избы образуется галерея, или веранда, где на жердях проветриваются кылымы — домотканые ковры, кожухи и другая одежина.

Все это «цикаво», скажете вы, начиная понимать и даже употреблять в речи некоторые украинские слова, то есть интересно. Но где же трембита?

Автобус останавливается у крамныци — это небольшой магазинчик. В нем самое необходимое: спички, гвозди, пряники, материя. Возле магазинчика на бревне сидит несколько оживленных собеседников. Между прочим, один из них проводит в дом, где можно достать трембиту. Сперва он покажет вон на тот холм. Там, за ручьем, белеет крыша из свежей дранки. Под крышей — дом, к которому вы стремитесь.

Провожатый попался словоохотливый. Пока шагаете по тропинке, он вам расскажет о сегодняшнем окоте овец, о ценах на Косовском базаре, пожалуется на дожди. Вы заметите, что его речь чище и понятней, иными словами, «более украинская», чем у его родичей львовян или ужгородцев. У львовянина — все полонизмы да сдвинутые ударения, у ужгородца — ну совершенно чешская интонация. А у гуцула — нет. Язык его подвергся в прошлом меньшему влиянию со стороны. Да оно и понятно: ведь он живет в горах, «в глубинке». Невысокий перелаз. Свежепахнущий сруб. Здесь проживает тот, кто вам сегодня вот как необходим. Его зовут Попиком. Прозвище такое. Правда, у него есть имя-отчество, есть своя фамилия. Но их никто никогда не упоминает. Разве что в повестках сельсовета, требующих уплаты налога.

Надо сказать, что Попик нигде не работает. Ни в промысловой артели, ни на рубке леса. Вольный казак! Живет тем, что скупает у мастеров «выробы» из дерева и перепродает в городах или на людных дорогах. А «выробы» бывают и вправду хороши. Возьмешь в руки резную тарелочку, а на ней такой рисунок, что залюбуешься. Или, скажем, деревянный стаканчик, а то еще кухлик с ручкой. Да тут чего только не делают! И сопилочки с памятными надписями, и длиннющие мундштуки, и топорики, которые называются здесь «топирцямы». С таким «топирцем» любо пройтись по улице. Он тебе и палочкой служит и украшением. Тут и брошки, и браслеты, и кольца, и пудреницы — все из дерева, все резное, все такое, что само в руки просится. Зато и денег стоит. Правда, если сам на сам договоришься с мастером, то оно не так и дорого. Но беда: между тобой и тем, кто создает эту красоту, всегда затешется посредник, этакий «коробейник» нашего времени. Онто и поднимает цену.

Попик как раз и есть «коробейник». О, у него дело налажено, я вам скажу! Его люди торгуют и в Коломые и в Ясенях. А всего бойчее — в Яремче. Яремча, если хотите знать, жемчужина Карпат. Там горы встают отвесными стенами. Там Прут бушует водопадами. Над водопадом — легкий мосточек подрагивает. Он поднят на такую высоту, что голова кружится от страха. На левой стороне раскинулся пансионат. На правой — ресторан «Гуцульщина». Бойкое место. Вот тут-то и разложил свои товары один из людей Попика, Дмитро. Дмитро продает, а жинка его подвозит товар. Она налитая, чернобровая. Он же невзрачный мужичишка. Удивляешься: на чем только их любовь держится? Неужели на одних «выробах»?

Сейчас вы потарахтите защелкой, выйдет Попик-хозяин, гостеприимно распахнет двери. Вы окажетесь в просторной светлице. На тесовой стене увидите подвешенные одна над другой во всю их трехметровую длину новые трембиты. Сердце ваше радостно заколотится. Наконец-то цель путешествия достигнута. Вот она, жар-птица, которую вы столько искали. Сейчас она забьется, затрепещет в ваших счастливых руках. Для этого надо так мало — всего пятнадцать рублей. Вам эту цену сообщили знающие люди заранее. Вы к ней успели привыкнуть. Передадите из рук в руки деньги и незамедлительно ощутите пальцами приятный холодок бересты, которой туго — кольцо в кольцо — обтянуто стремительное тело трембиты...

Но, как всегда в таких случаях, что-то да помешает. Оказалось, Попика нету дома. Ставни захлопнуты. На дверях, словно гиря, замок. Провожатый бьет себя по коленкам. Вспоминает, что Попик еще вчера уехал с жинкою во Львов. И как это он запамятовал, и что же это он за «такая людына», что тащил зазря «доброго чоловика» на треклятый бугор.

Не впадайте в отчаяние. Может, Попик к вечеру приедет. Чтоб не тратить время попусту, вернитесь в село, поинтересуйтесь, что в нем есть примечательного. Да можете полюбоваться, например, церковью. Поглядите, что за строение, сколько в нем благолепия. Церковь вся деревянная. Она словно вылеплена искусными руками. Какие линии, какие пропорции! Колоколенка стоит в стороне. Колокола не тронуты. Их медный глас звучит в горах издавна знакомой музыкой. Какое-то доброе успокоение приносит это звучание.

Перед тем как вы подошли, здесь, оказывается, отпевали старого овчара и сейчас несут гроб с его телом на кладбище, которое рядом, буквально в двух шагах.

Гроб поставлен на грубо сколоченные ослончики. Слышны всхлипы старушек и шелест ветра в листьях. А вон, глядите, четыре трембиты в руках четырех трембитáрей. Они начинают трембитáты. И морозный холод проходит по телу, сковывает сердце. Ё-ей, трембиты умеют скорбно голосить! Чтобы понимать, что находишься на похоронах, а не где-либо в другом месте, не обязательно смотреть на гроб. Для этого достаточно слышать грудной голос трембиты, достаточно ловить в нем печальные переливы, глубокие вздохи, полные тоски и отчаяния. Вы никогда, конечно, и в мыслях не держали, что трембита способна на такое. Вам казалось: обыкновенная дудка, только подлиннее тех, которые приходилось видеть раньше. Казалось, она способна только скликать отару или развеивать глухое одиночество чабана. Оказывается, вы так мало о ней знали. То чувство, которое она вызывает сейчас, не способен вызвать ни один инструмент.

Вуйко-гуцул, проводник, склонился к вашему уху, прошептал:

— Смутнá музыка.

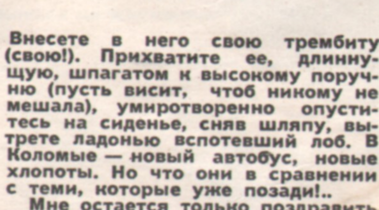
Вы поразились точно найденному слову: «смутна». Теперь трембита стала намного понятней, намного дороже. Что-то открылось в ней такое, что сделало ее ну просто необходимой. Вызрело решение: сколько бы ни пришлось здесь сидеть, без трембиты отсюда ни за что не уедете!

После похорон Вуйко подозвал одного из трембитарей, объяснил ему вашу заботу. Тот отрицательно качает головой, виновато улыбается.

Трембита у него бывалая, заслуженная. Какие там у Попика, кто знает? А эта себя показала. Она и на полонинах трембитала и в Киев на олимпиаду ездила.

Вы готовы на все, только бы заполучить ее, эту музыку, с мундштуком из черного дерева, с коегде обшарпанной берестой, с ниточным пояском, намотанным на конце рассыхающегося раструба. На все готовы. Но хозяин только виновато улыбается.

Правду говорят: утро вечера мудренее. Да и не только мудренее. Оно приносит и новую радость. На все смотрите другими глазами. То, что в вечернем свете казалось темным, тревожным, сейчас выглядит розовым, приветливым. Сомнения ушли. Высокие полонины кажутся близкими. А главное — Попик вернулся, и, значит, все получится так, как задумано. Подойдет двухчасовой автобус.

Внесете в него свою трембиту (свою!). Прихватите ее, длиннущую, шпагатом к высокому поручню (пусть висит, чтоб никому не мешала), умиротворенно опуститесь на сиденье, сняв шляпу, вытрете ладонью вспотевший лоб. В Коломые — новый автобус, новые хлопоты. Но что они в сравнении с теми, которые уже позади!..

Мне остается только поздравить вас с дорогим приобретением. Не знаю, что думаете вы. Наверное, какая-то радостная мысль переполняет вас. И это понятно. Но, признаюсь, когда я впервые взял в руки трембиту, когда я впервые приложил губы к ее чистому мундштуку, на душе у меня было не так светло, как могло показаться.

И вот почему.

Жил в горах, рассказывают, старый гуцул, он мастерил для чабанов-трембитарей отличные трембиты. Как это справедливо, когда хороший инструмент попадает в достойные руки. А трембита — инструмент уникальный. Он только в Карпатах — нигде больше. Никакие рожки, никакие дудочки, никакие сопилки или свирели не могут с ней сравниться. Я не против прочих инструментов. Они хороши и дороги всяк по-своему. Но трембита среди них — царица. Она так величественна, так звучна. Она родилась на самых вершинах, и сама является вершиной!

Сперва опускают ее раструбом вниз на самую траву. И начинает она свою песню, что называется, от земли. Сначала тихо так рокочет, словно ручей в камнях. Затем слышнее, слышнее становится ее

Фото А. Семеляка.

Гуцульский танец.

гортанный клекот. Словно оживая, она вскидывается все выше и выше. Ее голос становится высоким. Трембитарь плавно поводит ею то вправо, то влево. Затем как вскинет в зенит!.. Кажется, в этот час он говорит с самим небом.

Жил в горах мастер-гуцул. Он создавал настоящие трембиты. Жил, говорят, да помер. И взялся за это дело ремесленник. Лепит он свои трембиты споро. На вид они такие же, как и настоящие. Длину выдерживает. Бересту — кольцо в кольцо — накладывает. Лепит и сбывает Попику. А тот ездит по людным карпатским магистралям, продает их туристам по пятнадцать за штуку. И вся недолга. Царица стала всем доступной. Царица стала продажной. Но все меньше и меньше в горах искусных трембитарей, все меньше и меньше истинных мастеров. Их искусство никто не перенимает по-настоящему. Трембита теряет суть, оставаясь только символом.

Как мы себя обедняем!

Как обедняем себя и на том, что уходят из жизни деревянных дел мастера — строители, а замены им не выращиваем. Посмотрите, что могут творить их умелые руки. Мы уже упоминали здание ресторана «Гуцульщина», что стоит у водопада, упоминали корпуса пансионата, что на противоположном берегу Прута. На них нельзя смотреть без восхищения. Удивительное сочетание дикого камня и дерева. Или посмотрите клуб в Косовском районе. Сама поэзия!

Трембита тоже поэзия.

Так стоит ли ее терять?..

Андрей МАЛЫШКО

* * *

Мой друг мудрец сказал однажды мне:
Ты в сумерках живи, там нету тени.
Я рассмеялся, зная, что в природе
Тончайший волос оставляет тень.
Орел под солнцем тень свою несет,
Тенятся ветви на деревьях, травы,
Крыло стальное, и рука в мозолях,
И даже каплей пота трудовой
Оттенена литая мощь Отчизны.

И только пепел остается серым
Да перебежчик заметает след,
Чтоб тень свою от глаз людских запрятать!

Перевел Юрий САЕНКО.

Юрий АНДРУЩЕНКО

ДЕДЫ

В тени сторожек у баштанов,
за царством хмеля, лебеды,
посиживают, белоштанны,
в брылях, философы-деды,
обвитые дымком табачным,
что хоть кого сбивает с ног...
И с юморком таким же смачным —
я с детства позабыть не мог.

Пред их словцом враги робели.
Побаски — мудрости под стать.
Без тех дедо́в на свете белом
Остапам Вишням не бывать!

Перевел Альберт КРАВЦОВ.

Полтава.

Юру Калинина, паренька из земли богатырской, забрили в солдаты. Впрочем, «забрили» — это из древнего уже лексикона. Он даже еще и не остригся. Просто призвали его выполнять воинский долг.

А земля Владимирская как была в старину, так и осталась поныне богатырской. Где-то здесь выходил на заставу Илья Муромец. И сегодня Вязниковский район Владимирской области богат храбрецами: двадцать одного Героя Советского Союза дал этот район Родине в минувшую войну.

А Юра — один из их наследников. И ничего, что его родное село Илевники не такое уж знаменитое, а ведь и тут напутствуют ребят увешанные орденами и медалями односельчане. Традиция есть традиция, и на проводах, как водится, широкое русское застолье. Только песни другие поют, новые — и про гармонистов, и про снег, и ветер... А вот «Последний нынешний денечек» не поют. И идут ребята радостно, без хмельной отчаянности, с ясным сознанием своего долга.

И ничего, что украдкой вытирают слезы девчата — и в радости есть место для грусти. И бабушка плачет не от горького горя, провожая третьего внука на службу,— двое уже вернулись настоящими мужчинами, теперь правнуков нянчит она. Так и меньшой придет через два года не Юркой уже, а Юрием Александровичем, человеком солидным и самостоятельным.

НА ДЕРЕВНЕ РАСС

ТАВАНИЕ ПОЮТ

А. БОЧИНИН,

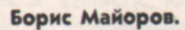
Ю. КРИВОНОСОВ

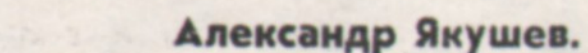
Борис Майоров.

На перерыв...

БОЛЬШОЙ ХОККЕЙ

Фото А. БОЧИНИНА.

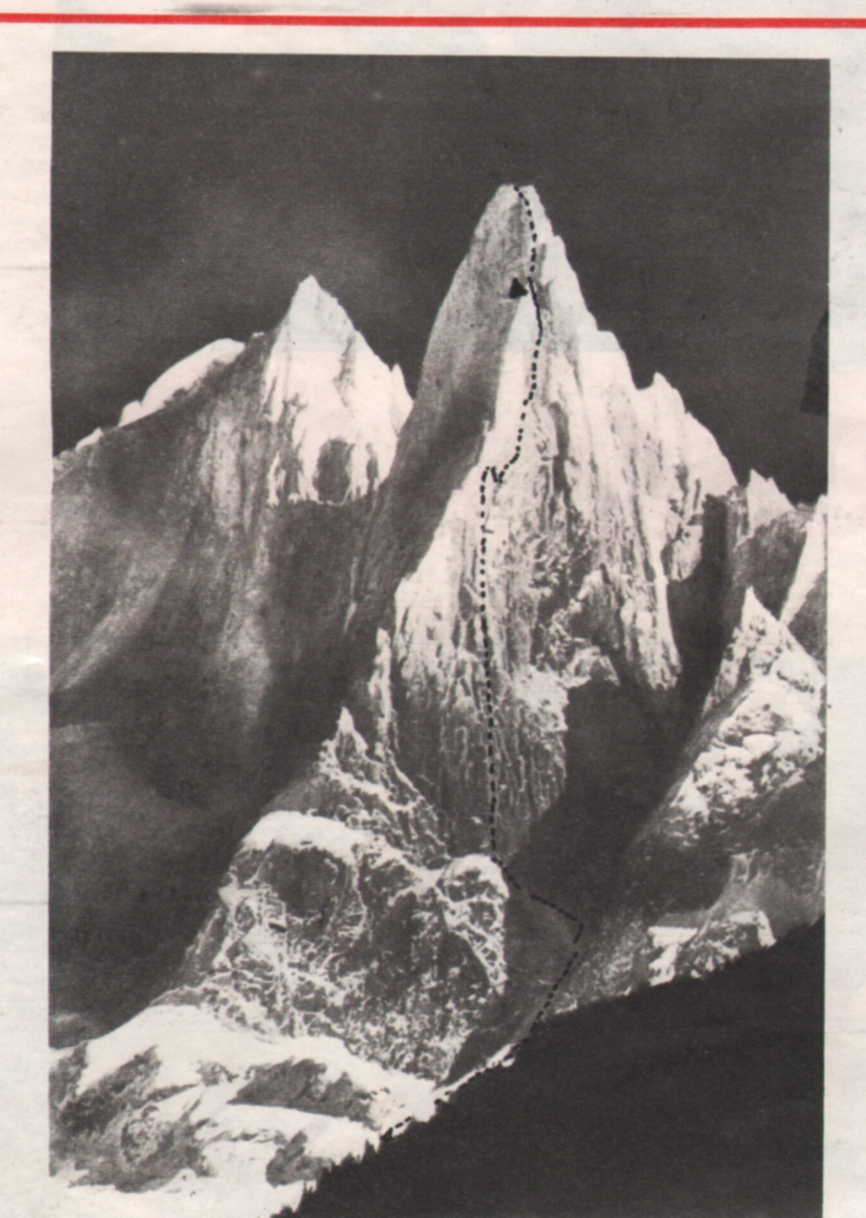

Виктор Блинов. Александр Якушев.

Массив Пти-Дрю. Маршрут, пройденный в 1967 году советскими восходителями.

АЛЬПИЙСКИЙ ДЕБЮТ

Евг. СИМОНОВ

Каждые два года встречаются во Французских Альпах сорок — пятьдесят лучших альпинистов мира. И вот сван Михаил Хергиани с москвичом Вячеславом Онищенко в Шамони...

Это не только курорт-люкс, средоточие ночных клубов, казино и прочих светских соблазнов. Бронзовая рука савояра Жака Бальма на памятнике указует на сверкающий над городком массив Монблана, и зовет, и напоминает: вы в колыбели альпинизма! Отсюда 8 августа 1786 года вышли в путь крестьянин Жак Бальма с врачом Мишелем-Габриелем Паккаром, чтобы вернуться победителями высочайшей вершины Европы — Монблана. Так было положено начало новому спорту. Альпы дали ему название. Где бы ни восходил ты — на Кавказе ли, в Кордильерах либо Гиндукуше,— имя у тебя — альпинист.

Обычно восходители соревнуются не только в ловкости, но и выборе маршрута, тактике, в таких неизмеримых цифрами категориях, как доблесть и товарищество. Но все это заочно. Не видя один другого. А тут, в Шамони, они съезжаются для своего рода «гамбургского счета».

Два года назад в Шамони впервые появились советские альпинисты — доцент Анатолий Овчинников и врач Вячеслав Онищенко. А в ассамблее нынешнего года, особенно представительной — 26 стран, включая руководителя Гималайского института из Дарджилинга Кола Кумара, Советский Союз представляли студент из Тбилиси Михаил Хергиани и тот же московский терапевт Вячеслав Онищенко.

— Милости просим, мои русские друзья.— Жан Франко, директор Национальной школы горных лыж и альпинизма, пытливо вглядывается в лица советских альпинистов...

Мсье Жан «сделал» первую свою вершину, когда ему не было и шестнадцати. В двадцать два он уже дипломированный альпийский гид (только такой имеет право водить по горам за плату). А потом руководимая им «девятка» французов первой в мире покорила пятую высоту планеты — Макалу (8515 метров). Это восхождение поныне почитается едва ли не лучшим среди более чем трехсот гималайских экспедиций.

Как водится в спорте, знакомились быстро... «Считалось, что горы разъединяют народы,— бросил мсье директор,— но они их объединяют». На всех схемах значатся «маршруты Контамина». Теперь Контамин ведет занятия с альпинистами. Другого француза, Пьера

Старшиновская! Фирсовская!.. Они еще не решили...

14 матчей — такова турнирная порция первой сборной СССР в заокеанском турнире. А вторая сборная в это время встретится 9 раз в Канаде со сборной и лучшими любительскими клубами страны. Но и на этом не завершится подготовка к олимпийскому турниру в Гренобле. В конце января первая сборная СССР снова встретится со шведской сборной, и надо думать, что эти две контрольные игры окончательно определят олимпийский состав. Наметить его очень не просто: уж очень велик выбор у наших тренеров, а права на ошибку они не имеют. Все самое лучшее должно представлять в Гренобле советский хоккей.

Анатолий Фирсов.

Вячеслав Старшинов.

Жюльена, советские альпинисты знают по его восхождениям на Кавказе в Безенгийской группе. Сильными восходителями была представлена столица австрийской земли Тироль Инсбрук — Петер Хавелер и Отто Видеман; Англия — Бойзен и Есткур. А этот, невысокого роста, смуглый, предупредительный? Это же «сам» шерпа Наванг Гомбу, восходивший на высшую точку планеты — Эверест!

Компания, что и говорить, отменная!

И первой пошла сдавать экзамен вершинам наша связка.

...Молотки и крючья разных моделей, от тончайших лепестковых до ввинчивающихся в выбитое тобой отверстие шлямбурных; лесенки да стремена. Это куда ни шло. Но какое отношение к спорту мужественных имеет детская клизмочка? Поясняем: выдувать каменную труху из выбитого под крюк отверстия. Самого дачного вида гамак?.. Ночевать на стенном отвесе, растянув его между забитыми над бездной крюками.

Как сказал нам Онищенко, маршрут на Капуцине оказался «индустриальным»: минимум свободного лазанья, сплошное перемещение по лесенкам да стременам, которые ты перевешиваешь с крюка на крюк.

Вернувшись в школу, Хергиани и Онищенко отчитывались перед Контамином и Жюльеном.

— Просьба показать руки... Гладкие, почти без царапин. Это хорошо! (Как же грешит наша пишущая братия, с восхищением расписывая стертую о камень кожу, ободранные ногти, прочие страсти-мордасти!)

— Сколько крюков изволили забить на маршруте?

Хергиани молча показал взятую с собой связку: целы все, умело использовали забитые до них. Профессора удовлетворенно переглянулись: эти русские не боятся свободного лазанья, а кое-кто уверял, что они берут только силой да невиданной выносливостью.

— Последний вопрос: пришлось ли бивакировать где-нибудь на стене?

— Заночевали после того, как взяли вершину.— Онищенко не счел нужным распространяться о том, что они стартовали вместе с командами Чехословакии и Польши, но вскоре обогнали их.

И профессора поздравили советских альпинистов с отличным дебютом. Эти русские не только задали тон всей ассамблее, но и показали себя классными лазунами. Другие еще только разминаются на тренировочных вершинах, а эти уже сделали шестерку — восхождение предельной трудности.

Стоит ли нанизывать эпитеты «отвесный», «устрашающий», «непроходимый», если сами профессионалы-гиды вынесли в свое время вердикт следующему избранному советскими альпинистами маршруту: «Пти-Дрю по западной стене недоступен». К тому же обвалы пятидесятого года превратили участок между нижними и верхними террасами в подобие методически простреливаемого обломками полигона.

С 1939 по 1950 год эта гора отбила девять атак асов Шамони, Парижа, Марселя. Лишь в 1952 году Маньону и Берардини, знакомым нам по встречам у кавказских вершин, удалось, да и то с двух заходов, пройти этот маршрут.

Но наша двойка решила пройти в несколько раз скорее. Заночевали у подножия стены. Наступающую ночь здесь не только видишь, но и слышишь... Вот уже хрустально позвякивают нарождающиеся льдинки. Шелест крыла птицы в гнезде над головой. Ударил в нос запах серы, и сверкнула искра катящегося камня.

Рядом заночевали еще две команды — французы и итальянцы,— они готовятся тоже штурмовать стену. Солнце еще не вставало, когда Слава запалил почти бесшумную кухоньку. Хергиани достал мясо, чеснок, грузинские травки. «Только тихо! Чтобы не спугнуть соседей. Едим на весь день. Работаем сегодня, как комбайнер на уборке...»

Они уже подходили к горловине кулуара, когда на биваке замигали фонарики: соседи только встают, мы уже на маршруте. «До солнца надо выйти из кулуара,— нетерпеливо сказал Хергиани и поглубже надвинул коричневую пластиковую каску.— Камни будут». Он был прав: словно мусоропровод, кулуар вбирает весь хлам, что стряхивает с себя Дрю. Надо миновать его, пока ночной мороз цементирует камни.

Здесь, ближе к небу, уже день. Внизу еще ночь. Солнце вытесняло серый полог, под подошвами твоих ботинок проявлялись шпили и крыши города.

Вся эта стена была пройдена первовосходителями - французами почти за пять суток. Наши начали в четыре часа утра, и на все восхождение ушло у них 17 часов.

Они начинали следующее восхождение с чехословацкой связкой Войжика — Загоранского. Прошли вместе лед, но на каменных блоках сразу ушли вперед. Впереди оказалась на маршруте двойка испанцев, ночевавшая где-то посреди стены. Догнали. Пошли, наступая им на пятки. Гидальго ползли с удручающей медленностью, но даже не обернулись на традиционное требование Онищенко: «Лыжню». И не обойти, не подвергая их риску попасть под сбитый тобой камень. А дальше оба тореадора совсем уже безнадежно завязли.

А пройденный ими путь на стену еще одной вершины, Гранд Жораса, теперь вполне официально именуется «Русский вариант». На этом месте, которое по терминологии стенных маршрутов зовется «отрицательным углом», они забили первый и единственный крюк за все четыре свои восхождения в Альпах.

Внизу их спросили о времени.

— Всю стену прошли за 13 часов.

Спрашивавшие пошептались:

— Осведомлены ли русские альпинисты: за 29 лет после первого прохождения такое время сумели показать только две группы. А в этом сезоне стену Жораса прошла всего лишь одна группа, да и то за пять суток. Русские альпинисты поблагодарили за ценную информацию. Штурмовавшие эту же стену соученики по шамонийской школе асы из ФРГ Фриц Цинтль и Гюнтер Штурм вынуждены были заночевать где-то на Жорасе, явно не угнавшись за темпами советской связки.

А сутки спустя Онищенко и Хергиани за пять часов одолели полный траверс вершин Монблана и де Токю.

— В Шамони носились слухи, что мои друзья траверсировали высочайший массив Европы не вынимая рук из карманов? — осведомились мы у Онищенко.

— Попросту забыли дома рукавицы. А высота — 4 810. А Франко и сказал нам на прощание:

— Мои русские друзья, оказывается, не ходят по альпийским стенам, но летают, как их «Туполев».

Среди тех семидесяти шести маршрутов, которые прошли съехавшиеся в школу альпинисты, восхождения нашей двойки были самыми убедительными. Недаром доктор Уго ди Валлегиян, генеральный председатель Итальянского академического альпклуба, почел своим приятным долгом сообщить президенту Федерации альпинизма СССР синьору Боровикову: «Их (Хергиани — Онищенко.— Е. С.) деятельность заслуживает того, чтобы быть поставленной в пример любому альпинисту».

Пятое интервью

Ц. СОЛОДАРЬ

Рассказ

За несколько дней до Нового года Виктор Зеленцов, весьма молодой сотрудник молодежной газеты, робко заглянул в кабинет редактора.

— Заходи, заходи, старичок,— покровительственно встретил его редактор, неизменно стремившийся подчеркнуть, что его возраст на целых три с четвертью года превышает среднестатистический возраст редакционного коллектива.— Ты, старичок, легок на помине.

— Неужели ждали меня с новогодним рассказом? — просиял Виктор.

— Какой там рассказ!— добродушно отмахнулся редактор.— Рассказ давно заказан самому Василию Ксенофонтову, сих дел мастеру. Каждому, старичок, свое. Рассказы тебе, увы, не даются. Зато с блеском выполнишь задание, достойное короля репортажа!

— Понятно,— сразу потух Зеленцов и, на всякий случай положив рукопись рассказа на краешек редакторского стола, приготовился записать задание.

А редактор, не заметив рукописи, увлеченно начал:

— Ты выйдешь на улицу ровно в полдень, за двенадцать часов до Нового года, и обратишься к первым же пяти встречным с вопросом...

— Какими достижениями встречаете вы Новый год? — с едва уловимым оттенком грусти подхватил непризнанный прозаик.

— Банально, старичок, банально,— снисходительно заметил редактор.— Нет, ты задашь такой вопрос: «Какой тост собираетесь вы произнести за пиршественным столом?» Неплохая получится вещица, а?— И, сделав короткую паузу, чтобы молодой журналист мог оценить оказанное ему доверие, строго продолжал:— Только железное условие, старичок: не выбирай прохожих по своему вкусу, а возьми интервью действительно у первых же пяти встречных. Понятно? Действуй! И, смотри, не запазды...

— Рассказ от Ксенофонтова!

С этим восторженным возгласом влетела в кабинет секретарша Тася.

Забыв о Викторе, редактор жадно набросился на ксенофонтовскую рукопись:

— То, что надо! Действие происходит в энном году на энной планете, но все персонажи — наши современники! И какой броский заголовок: «Антиновогодняя ночь»! — Вспомнив о Зеленцове, он оторвал глаза от рукописи:— Правда, здорово, старичок?

Но, притворившись, будто не слышит вопроса, король репортажа буркнул: «Задание будет выполнено»,— и торопливо вышел из кабинета.

...Читатель вправе саркастически отметить, что такое случается только в традиционных новогодних рассказах, но, представьте, первым человеком, увиденным Виктором в полдень тридцать первого декабря на улице, была действительно Люся. Да, да, та самая Люся, которой непризнанные рассказы Виктора нравились не меньше, чем его смоляная шевелюра. Острее самого автора переживала Люся его неудачи и сладостно мечтала о дне, когда увидит на газетной странице долгожданные три слова: «Рассказ Виктора Зеленцова».

Услышав от Виктора о редакторском задании, Люся, как обычно, без всяких колебаний решила:

— Если ты честный журналист, а не лакировщик, то обязан взять первое интервью у меня. Пиши!— И, не замечая растерянности Виктора, стала диктовать:— На вопрос нашего корреспондента комсомолка Людмила Кушкина, лаборантка кондитерской фирмы «Лакомка», двадцати двух лет без двух месяцев от роду, ответила: «Мой новогодний тост за праздничным столом будет дословно такой: за то, чтобы в наступающем году ни один редактор в погоне за модными именами не зажимал настоящие молодые дарования!» Не смей, Витя, исправлять ни единого слова, не то первого января ты увидишь меня в последний раз! — и не меняя интонации, бросила на прощание: — Жду в полдвенадцатого! Надень серо-красный галстук, что я подарила!

Виктор бросился было за Люсей, но наткнулся на старушку в шубке из ультрасинтетического меха, с которой так не вязался добротный оренбургский пуховый платок. Журналистский долг, как водится, превозмог личные чувства, и, забыв о Люсе, Зеленцов остановил старушку.

Внимательно выслушав его и шумно вздохнув, старушка ответила:

— Никакого тоста я, красавец, нынче в полночь не скажу. Встречать Новый год буду через тринадцать деньков, по старому, как говорят, стилю.

— По юлианскому календарю?— поразился Виктор.— Но ведь сейчас принят григорианский!

— Ты мне про всякие «анские» не толкуй,— степенно возразила старушка.— Я сама про космос три кино видела, а правнучку велела наречь Валентиной в честь Вали Терешковой. Дело-то, красавец, в другом. Муженек моей внучки на Дальнем Востоке сдает новую стройку к Новому году по новому стилю, а ко мне со всей семьей пожалует уже, выходит, по старому. Вот и отложила я свой Новый год до тринадцатого числа января месяца. Мне нынче рановато про тосты думать — я даже про пироги окончательного решения не вынесла...

Виктор не успел осознать полный провал второго интервью, как столкнулся нос к носу с крутолобым и широкоплечим парнем, каких обычно рисуют на обложках спортивных журналов. С унылым выражением лица и нотками обиженного ребенка крепыш рассказал репортеру:

— На нашей электроподстанции четыре диспетчера. Но именно меня угораздило вытянуть из берета бумажку с надписью: «Новогоднее дежурство»!.. И главное, знаете, кто посоветовал мне тянуть жребий первым? Как мужчина мужчине, скажу вам: именно та самая наша Маша, оператор, которую я пригласил встречать Новый год! Она свободна от дежурства и теперь на вечере поневоле будет танцевать с Вахрамеевым. А ведь именно он, хитрюга, и затеял эту чертову жеребьевку!.. Я, конечно, далек от разного рода бабушкиных суеверий, но, судите сами, Новый год начинается именно для меня неважнецки...

Впечатлительный Виктор на миг представил себе свое настроение, если бы Люся встречала Новый год не с ним, а с рыжим обозревателем из международного отдела. Забыв о репортерских обязанностях, он от души посоветовал влюбленному диспетчеру:

— Пусть ваша... словом, оператор поменяется дежурством и проведет новогоднюю ночь... словом, тоже на трудовом посту.

Диспетчер просветленно взглянул на репортера.

— Идея, друже!— хлопнул он могучей дланью Виктора по плечу.— Это же будет лучший контрольный показатель уровня Машиных чувств ко мне!

Четвертым встречным оказался парнишка лет на вид по крайней мере девятнадцати. Но, как на грех, он в действительности не добрал двух месяцев до шестнадцати. И на этом сугубо формальном основании его двоюродный дядя — кандидат педагогических наук — вполне научно доказал родителям парнишки, что их сын обязан вернуться домой с новогодней вечеринки не позднее полуночи.

Пятое интервью Зеленцову полагалось взять у девушки в спортивной куртке. Непокрытой головой она, казалось, бросала вызов морозу и метельному снегу. Решив, что Виктор ищет повода познакомиться, она остановилась, только лишь когда увидела его редакционное удостоверение в синей глянцевитой обложке.

— Наша газета просит вас,— вежливо начал Зеленцов,— поделиться с ней тостом, который вы...

Девушка подняла на репортера смущенные глаза. И он тут же умолк. Только после весьма длительной паузы девушка услышала тихие слова:

— Катюша... Моя Катюша...

В глазах девушки вспыхнули огоньки гнева.

— Я позвоню вашему редактору! Он вам покажет «Катюшу»! Слышите, вы, донжуан с редакционным удостоверением!

И, не считая нужным разбираться в том, почему вдруг наглый приставала молчит, как завороженный, девушка убежала от остолбеневшего Виктора.

А он и не пытался догнать девушку и объясниться с ней. Разве поверит она непризнанному писателю, что, заглянув ей в лицо, он в точности увидел героиню своего новогоднего рассказа. Ведь никем не прочитанная рукопись валялась на редакторском столе. И только один Виктор знал, что убежавшая от него девушка — это точь-в-точь Катюша из его рассказа, с черной челочкой на нежном лбу и миндалевидным разрезом серых глаз в рамке запушенных снежком мохнатых ресниц. Даже шарфик, выглядывавший из-под воротника куртки, тоже был, как в рассказе Виктора, зеленым.

...За полчаса до Нового года проваливший все пять интервью репортер мрачно шагал из угла в угол своей узенькой холостяцкой комнаты. Мало того, что он позорно сорвал редакционное задание. Черт еще дернул его нахально озаглавить посланную редактору объяснительную записку на шести страницах: «Как я не выполнил новогоднее задание».

Механически завязывая двойным морским узлом серо-красный галстук, Виктор был поглощен одной горькой думой: что будет с Люсей, когда она не увидит в газете его репортажа, а затем еще узнает, что под самый Новый год редактор вкатил ему строгий выговор с предупреждением?

Невеселые размышления журналиста прервал телефонный звонок. Сообразив, что это звонит возмущенная его опозданием Люся, Виктор быстро снял трубку.

— Придется, старичок, сократить четырнадцать строчек,— услышал он игривый голос редактора.— Доверяешь мне? Или сам прискачешь?.. Ты чего молчишь? Недоволен, что сокращаем? Но, пойми, мы заверстали тебя там, где стоял рассказец Ксенофонтова. Твоя вещица, старичок, оказалась не только более новогодней, но и крепче по форме. Это же подлинное новаторство: лирический рассказ в форме объяснительной записки редактору! И заголовок броский —«Как я не выполнил новогоднее задание». Так держать в новом году, старичок!

— Домой я тебя отпущу только первого января.

Рисунок А. Грунина.

ЛЕСНОЙ НАРОДЕЦ

Эти грибы и грибята — творение рук москвички М. Гижевской. Не хочется спрашивать, из чего они сделаны (наверное, из ваты),— настолько жив и неподделен ядреный и добрый лесной народец.

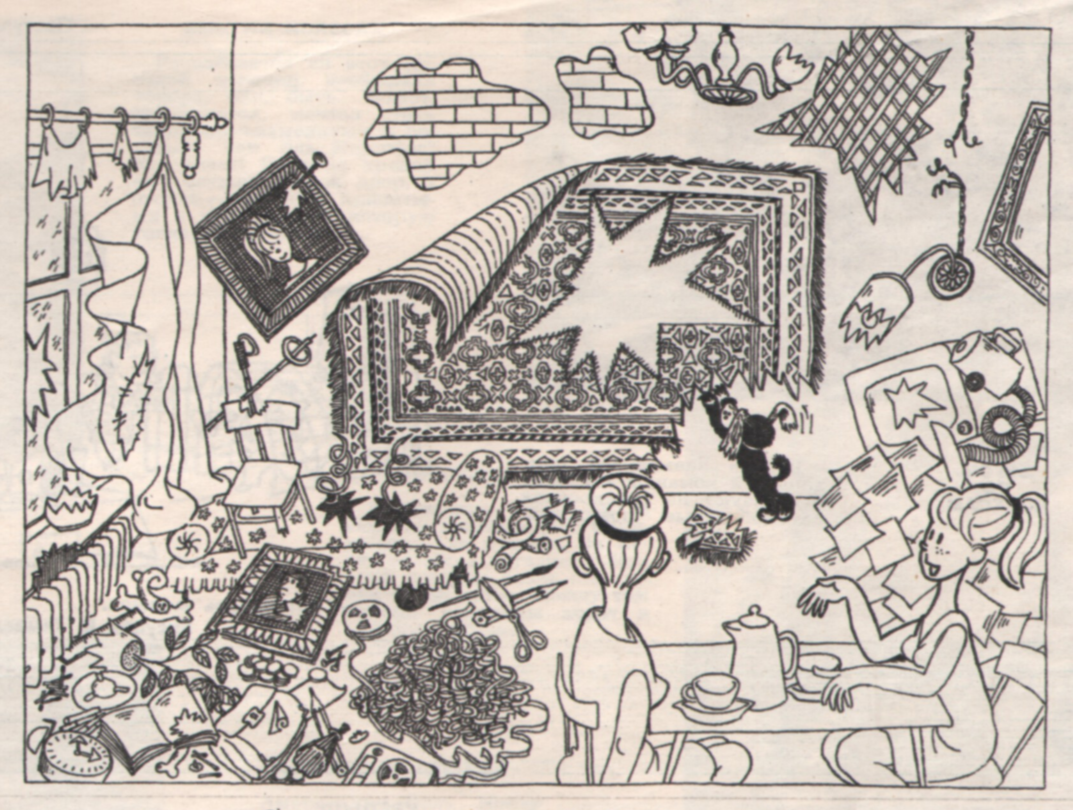
— Мурка хочет попробовать летучих мышей...

Рисунок Г. и В. Караваевых.

— Мой только что с рыбалки явился. Теперь сидит оттаивает...

Рисунок Б. Боссарта.

— Это специальная комнатная порода.

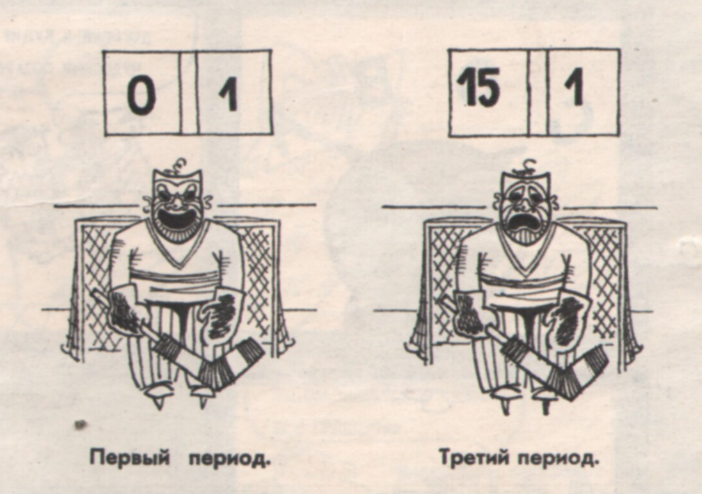
Рисунок В. Тильмана.

— Пожалуйста, золотую рыбку, не дает мне старуха покоя.

Рисунок Г. и В. Караваевых.

Первый период. Третий период.

Рисунок Б. Боссарта.

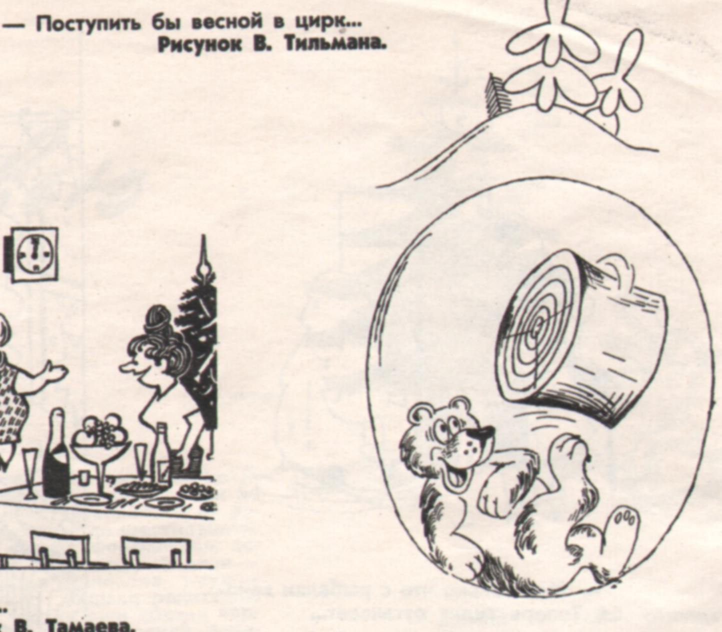
БЕГОМ ПО КОЛЕСАМ

Игроки знаменитой шотландской команды «Селтик» используют на тренировках автомобильные покрышки.

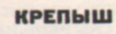
— Вот теперь можно...
Рисунок В. Тамаева.

— Поступить бы весной в цирк...
Рисунок В. Тильмана.

КРЕПЫШ

В зоологическом саду английского города Дадли жирафа родила жирафенка. Через 70 минут после своего появления на свет младенец мог уже самостоятельно сидеть.

ПОНРАВИЛОСЬ И ВЗРОСЛЫМ

В Англии появился самокат под названием «виз бенг». Собственно, он был предназначен конструктором Питером Фирменом для детей, но вскоре новинкой увлеклись и взрослые, используя самокат для передвижения по улицам.

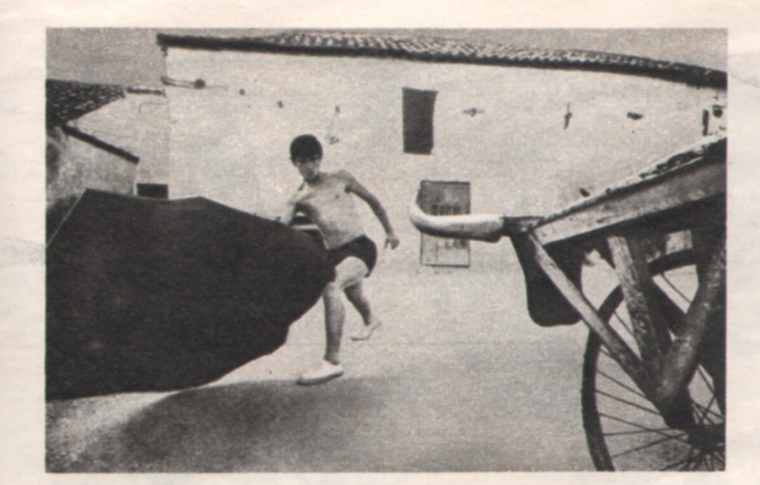

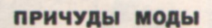

БЫК НА КОЛЕСАХ

Развлекается ли этот молодой испанец, изображая тореро, или, быть может, тренируется, мечтая стать таким же знаменитым и богатым, как Эль Кордобес? Кто знает! Но пока ареной ему служит пустой двор, а быком — телега с прибитыми к ней рогами, которую толкает его приятель.

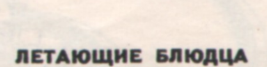

ПРИЧУДЫ МОДЫ

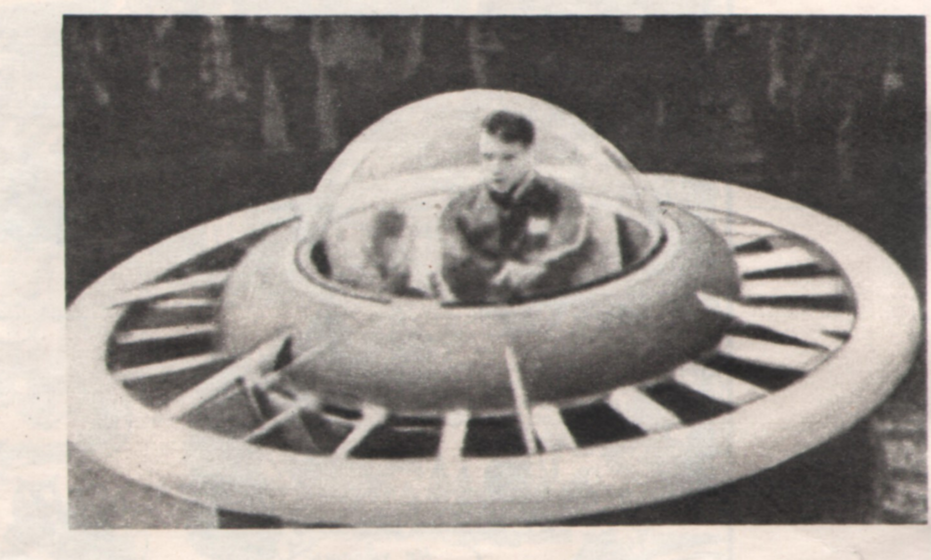
Лондонские модельеры с успехом рекламируют мини-юбочки для мужчин. За месяц только в магазинах Лондона продано более ста тысяч таких юбок. Между тем многие женщины ходят в длинных брюках.

ЛЕТАЮЩИЕ БЛЮДЦА

Американец Поль Молер сконструировал летательный аппарат дискообразного вида двух типов: один пригоден для сельской местности, другой, более портативный, для города.

СЧАСТЬЕ В ДЕТСКИХ РУКАХ

Читатели нас просят вкратце рассказать, как определяются выигрыши в лотереях.

Заправленные в патрончики лотерейные билеты помещают в три барабана. В первый кладут билеты с наименованием выигрышей, а во второй и третий — билеты с цифрами, из которых при соединении и получаются номера выигравших билетов.

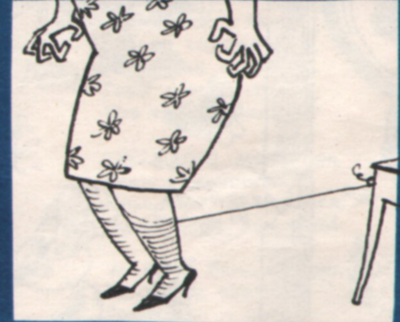
У каждого барабана находятся по два члена тиражной комиссии, но вынимает из барабана патрон с билетом ребенок дошкольного возраста.

Таким образом, например, 27 декабря будет произведен тираж второй автомотолотереи ДОСААФ СССР. В результате многие обладатели лотерейных билетов получат ценные выигрыши — автомобили «Волга», «Москвич-408», «Запорожец».

На снимке: тираж выигрышей автомотолотереи.

Фото Н. Захаркевича.

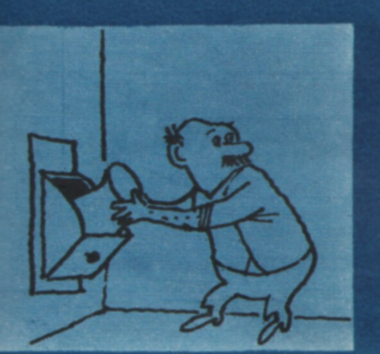

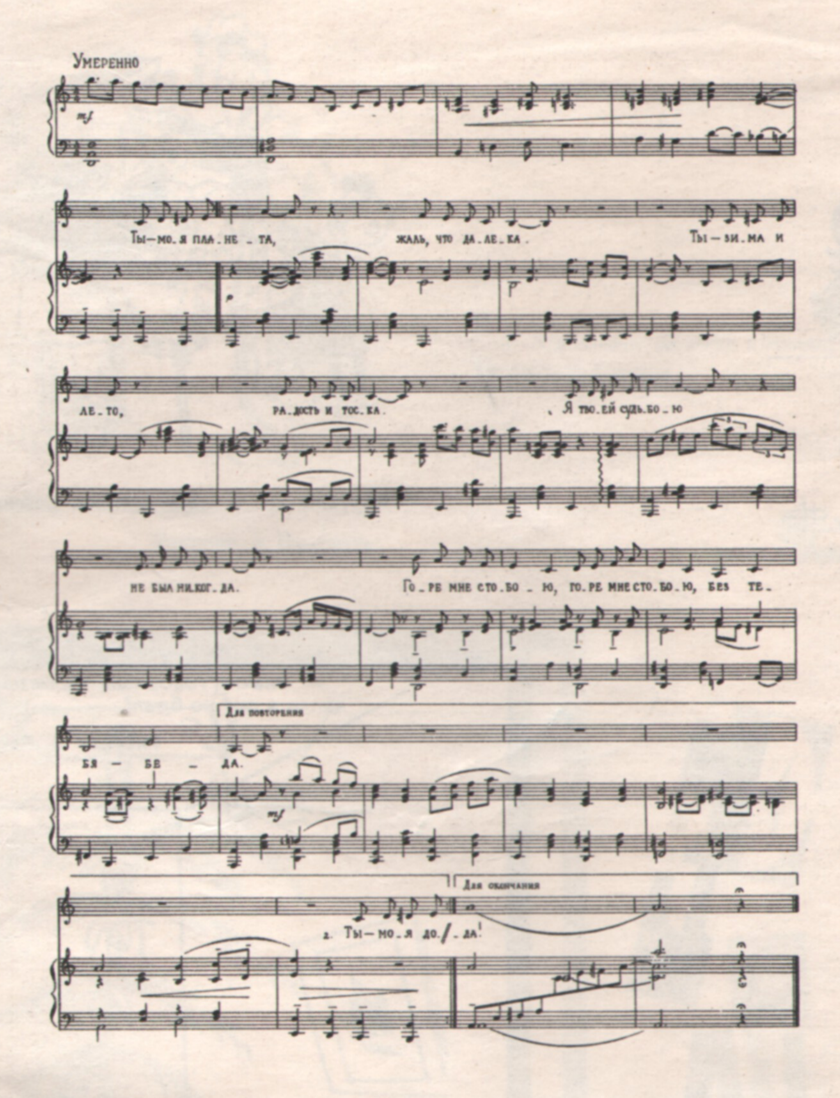

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

РУССКАЯ ЗИМА

Рисунок В. Тильмана.

ПЕСЕНКА ВПОЛГОЛОСА

Слова М. ПЛЯЦКОВСКОГО.

Музыка С. ЗАСЛАВСКОГО.

Ты — моя планета,
Жаль, что далека.
Ты — зима и лето,
Радость и тоска.

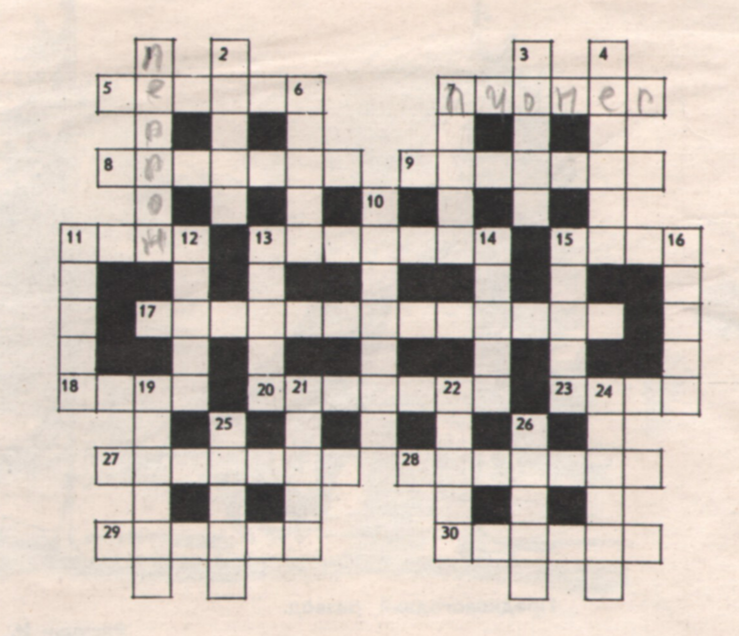
Я твоей судьбою
Не был никогда.
Горе мне с тобою,
Горе мне с тобою,
Без тебя — беда.

Ты — моя дорога
И моя река.
То бежишь ты ровно,
То свернешь слегка.

А берутся с бою
Только города...
Горе мне с тобою,
Горе мне с тобою,
Без тебя — беда.

Не жалей меня ты,
Велика ли честь?
Слышишь, не меняйся,
Будь такой, как есть!

Можешь быть любою,
Ты права всегда.
Горе мне с тобою,
Горе мне с тобою,
Без тебя — беда!

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Железнодорожная платформа. 7. Остров в архипелаге Северной земли. 8. Озеро на Кольском полуострове. 9. Настольная игра. 11. Древний город в Московской области. 13. Опера Б. Сметаны. 15. Духовой музыкальный инструмент. 17. Русский живописец-портретист. 18. Река в Казахской ССР. 20. Огородное растение. 23. Город во Франции. 27. Сценическая площадка для концертов. 28. Этюд для пения. 29. Ярко-красная краска. 30. Дикая кошка.

По вертикали:

1. Порт на берегу Аму-Дарьи. 2. Автор романа «Остров пингвинов». 3. Жанр стихотворного произведения. 4. Пятиглавая гора на Северном Кавказе. 6. Приток Шилки. 7. Возвышенная равнина. 10. Кондитерское изделие. 11. Драгоценный камень. 12. Штат США. 13. Спутник планеты Сатурн. 14. Заяц. 15. Сельскохозяйственная машина. 16. Старинная русская монета. 19. Народный поэт Азербайджана. 21. Роман И. С. Тургенева. 22. Металл. 24. Одновременное звучание. 25. Большое зеркало. 26. Оптический генератор.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали:

3. Консерватория. 8. Бересклет. 9. Дендрарий. 13. Висла. 14. Толстой. 15. Донегол. 16. Айран. 18. «Прозаседавшиеся». 22. Манок. 24. Концерт. 25. Яковлев. 26. Плица. 28. Благодать. 29. Аквамарин. 30. Палеонтология.

По вертикали:

1. Мелехов. 2. Стрелка. 4. Некрасов. 5. Радиатор. 6. Метафора. 7. Никополь. 10. «Бесприданница». 11. Диссертация. 12. Предисловие. 16. Ассам. 17. Новак. 19. Хлорелла. 20. Предание. 21. «Крокодил». 23. Акваланг. 26. Портной. 27. Алаколь.

На первой и последней страницах обложки: Москва. Вечером 7 ноября 1967 года.

Фото Л. Бородулина и Е. Умнова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.
Оформление И. Долгополова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00513. Подписано к печати 19/XII 1967 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 2 000 000. Изд. № 2135. Заказ № 3547.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Предновогодний развод.

Рисунок И. Сычева.

Новогодний вариант сказки о рыбаке и рыбке.

Рисунок М. Вайсборда.

— А мы тебя всю ночь искали...

Рисунок Б. Боссарта.

— Извините, сосед, это только на Новый год!

Рисунок И. Сычева.

— Игрушки мы с тобой купили. Сейчас

ЕЛКА

— Значит, говоришь, ты сегодня ни капли в рот не брал?..

Рисунок Б. Боссарта.

— Друг! Ты тоже решил отращивать бороду?

Рисунок Б. Боссарта.

...придет папа и принесет...

Рисунок Б. Боссарта.

Оптимист:
— А все-таки на елку я попал!

Рисунок И. Сычева.

ЕЛКА

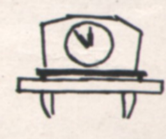
Новогодняя встреча автолюбителей.

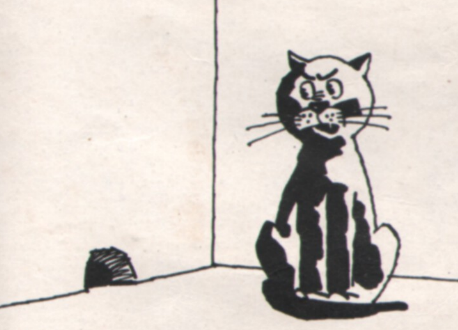
Рисунок А. Грунина.

— Безобразие! Скоро Новый год, а я все еще подарка не достал.

Рисунок Б. Боссарта.

— Теперь, я думаю, гости долго не засидятся...

Рисунок Е. Шабельника.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663